

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Гаджиев Х.Б. Особенности военного законодательства стран Каспийского региона 3

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давыдова А.Ю. Виды материального и нематериального обеспечения равномерности распределения имущества между супругами 7

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сулимова Е.А., Горинова О.М. Актуальные вопросы применения смертной казни 11

Батурина Н.И. Компенсация морального вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе 16

Батрова Т.А. Использование конструкции юридического лица в противоправных целях: проблемы гражданского и уголовного права 20

Петров В.В. Криминалистические особенности стадии возбуждения уголовного дела по ятрогенным преступлениям 24

Пристансков В.Д., Елагина Е.В. Особенности установления мотива и цели по делам о преступлениях экстремистской направленности 30

Ромицын В.В. Защита прав и законных интересов при наложении ареста на имущество по уголовным делам 37

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Попов А.Ю. Правовое регулирование обращения медицинских изделий в Евразийском экономическом союзе 42

Губаева А.К., Сидорова Н.А. Возмещение вреда потерпевшим от преступлений в контексте единства публично-правового и частноправового модельного регулирования для государств – участников Содружества Независимых Государств 47

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 20.01.2022 Цена свободная Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Gadzhiev Kh.B. Features of the military legislation of the countries of the Caspian region **3**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Davydova A. Yu. Types of material and non-material provision of uniform distribution of property between spouses **7**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Sulimova E.A., Gorinova O.M. Current Issues in the Application of the Death Penalty **11**

Baturina N.I. Compensation for moral damage caused by a crime in criminal proceedings **16**

Batrova T.A. Using the structure of a legal entity for illegal purposes: problems of civil and criminal law **20**

Petrov V.V. Forensic features of the stage of initiating a criminal case on iatrogenic crimes **24**

Pristanskov V.D., Elagina E.V. Features of establishing the motive and purpose in cases of extremist crimes **30**

Romitsyn V.V. Protection of rights and legitimate interests when seizing property on criminal cases **37**

OVERSEAS EXPERIENCE

Popov A. Yu. Legal regulation of the circulation of medical devices in the Eurasian Economic Union **42**

Gubaeva A.K., Sidorova N.A. Compensation for harm to victims of crimes in the context of the unity of public law and private law model regulation for states - members of the Commonwealth of Independent States **47**

Особенности военного законодательства стран Каспийского региона

Гаджиев Хабиб Бахрузович

доктор философии по праву, преподаватель юридического факультета, Бакинский Государственный Университет, h.hajiyev@hotmail.com

Военное законодательство государства представляет собой совокупность нормативных правовых актов, составляющих основу для реализации его оборонной политики в мирное время или во время военных угроз и конфликтов. Нормативно-правовые акты Азербайджанской Республики, регулирующие отношения в военной сфере, систематизированы как оборонное законодательство, это связано с тем, что государство заявляет об использовании вооруженных сил исключительно в оборонных целях на основе принципов гуманизма. Основными нормативными правовыми актами в области оборонного законодательства являются законы «О Вооруженных Силах Азербайджанской Республики», принятый в 1991 году, «Об обороне», принятый в 1993 году, и «О пограничных войсках», принятый в 1994 году. Азербайджанская Республика осуществляет двустороннее военное сотрудничество с рядом стран. Особое место в этом списке занимают Турция, Израиль и Пакистан. Кроме того, Азербайджанская Республика активно развивает местный военно-промышленный комплекс с помощью этих стран.

Ключевые слова: государства Каспийского региона, военное законодательство, международное право, военная угроза, национальная безопасность.

Военное законодательство каждого государства, как правило, выступает неотъемлемой частью национальной безопасности государства и базируется на определенной теоретической базе. В этом смысле нормативные правовые акты в области обороны обычно основываются на военной доктрине, а все меры, принимаемые государством в области военной или оборонной деятельности, основываются на этой доктрине. Во внешней политике, проводимой государством, в налаживании международного сотрудничества, в частности, военная доктрина соседних государств и стран региона подробно изучается и учитывается военными специалистами. Фактически внешняя политика государств региона по отношению друг к другу раскрывается в анализе их военных доктрин. С этой точки зрения важно изучить военные доктрины других стран Южного Кавказа и региона Каспийского бассейна, где расположен Азербайджан.

Военная доктрина Азербайджанской Республики была представлена в Милли Меджлис Азербайджанской Республики для утверждения Президентом Азербайджанской Республики в соответствии с пунктом 11 статьи 109 Конституции Азербайджанской Республики и утверждена Постановлением № 1029-IIIQR от 8 июня 2010 г.

В целом раздел Военной доктрины «Общие положения» Военной доктрины, состоящий из 8 разделов и 75 пунктов, был создан общенациональным лидером азербайджанского народа Гейдаром Алиевым в рамках обеспечения национальной безопасности Азербайджанской Республики. Было подчеркнуто, что это документ, определяющий теоретические основы системы военной безопасности, обеспечивающий своевременное обнаружение и защиту иностранных военных угроз.

В статье 38 военной доктрины закрепляется осуждение и изоляция агрессора международными организациями и всеми государствами в

качестве приоритета оборонной политики с целью отражения агрессии и защиты страны во время войны или вооруженного конфликта, и это является явным доказательством того, что Азербайджан предпочитает мирные действия для урегулирования конфликтов. Вооруженные силы Азербайджанской Республики также заявили, что они вносят свой вклад в международный мир, участвуя в миротворческих операциях в «горячих точках» по всему миру. В соответствии с Законом Азербайджанской Республики от 20 октября 1999 года о ратификации Соглашения между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Турецкой Республики о деятельности азербайджанского полка в составе косовских турецких войск. Батальонная оперативная группа азербайджанских миротворцев начала свою деятельность в Косово. После этого наши вооруженные силы были вовлечены в аналогичную деятельность в Афганистане и Ираке. В 2010 году был принят Закон Азербайджанской Республики об участии в миротворческих операциях. Согласно закону, азербайджанские миротворцы участвуют в операциях при наличии специального соглашения об использовании вооруженных сил в распоряжении Совета Безопасности ООН. Наши вооруженные силы могут также принимать участие в миротворческих операциях, проводимых международными и региональными организациями по решению международных или региональных организаций или в рамках международных соглашений, участником которых является Азербайджанская Республика, а также на территории конфликта. В то же время наши вооруженные силы имеют право участвовать в миротворческих операциях на основе двусторонних или многосторонних международных соглашений с другими государствами при условии, что Азербайджанская Республика соглашается вмешаться и содействовать прекращению и урегулированию конфликта[1].

Раздел 2 Военной доктрины называется «Среда безопасности Азербайджанской Республики». Третий раздел доктрины называется «Угрозы военной безопасности Азербайджанской Республики», и этот раздел в основном охватывает внутренние и внешние военно-политические угрозы. В этом разделе перечислены внешние военные и политические угрозы и любые действия других соседних государств против территориальной целостности, суверенитета, границ и ключевых стратегических объектов Азербайджана. Размещение военных баз в регионе, а также на территориях со-

седних стран, распространение оружия, военные конфликты и политические перевороты также считаются косвенными угрозами военной безопасности. Внутренние угрозы включают терроризм и экстремизм, направленные на дестабилизацию страны.

Четвертый раздел доктрины называется «Оборонная политика Азербайджанской Республики» и предусматривает военные и другие меры, направленные на обнаружение, предотвращение, предотвращение, ограничение и нейтрализацию военных и политических угроз национальной безопасности Азербайджанской Республики [1]. В то же время Азербайджанская Республика уделяет внимание мерам по обеспечению постоянного содержания своих Вооруженных Сил и других воинских частей в состоянии высокой боевой готовности и боевой готовности, а также совершенной организации мобилизационной подготовки. Пятый раздел доктрины называется «Военно-стратегическая основа военной безопасности Азербайджанской Республики» и перечисляет возможные акты вооруженной агрессии на территории Азербайджанской Республики, террористические акты, диапазон средств вооруженного нападения, возможные виды вооруженного нападения. стратегические объекты. В ответ на такие случаи, поддержание высокого уровня профессионализма Вооруженных сил Азербайджана и реализация государственной политики в этом направлении, а также перспективы развития военного строительства указаны в следующих разделах 6 и 7 доктрины. В частности, они подчеркнули необходимость мер по развитию оборонной промышленности Азербайджана, важность принятия мер по оснащению и оснащению вооруженных сил в соответствии с современными требованиями.

В целом, Азербайджан подтвердил, что своей военной доктриной служит идеям гуманизма и мира, в отличие от доктрин большинства других соседних стран. Доктрина осуждает дискриминацию соседних государств, посягательства на территориальную целостность и неприкосновенность границ и решительно отвергает их как инструмент внешней политики.

Армянская доктрина предусматривает создание совместной армии в сотрудничестве с Российской Федерацией. Размещение 127-го мотострелкового полка России и других войск из Грузии на военной базе в Гюмри в Армении указывает на напряженную военную ситуацию в регионе в целом. Фактически, законодательство РА в этой сфере позволяет это. Так, согласно Закону РА «Об обороне», принятому в

1997 году, для обеспечения обороны на территории этого государства могут размещаться воинские части другого государства [4].

Военные доктрины Азербайджана и Грузии решительно осуждают случаи агрессии, сепаратизма и нарушения территориальной целостности и подчеркивают необходимость привлечения внимания международного сообщества к проблеме с целью устранения таких случаев. Грузия придает большое значение политике добрососедства и отказывается использовать свою армию в качестве инструмента внешней политики. Организуя свою армию на основе демократических и прозрачных принципов, Грузия предпочитает строить свою военную политику на плане развития обороны.

Грузия придает большое значение укреплению своего оборонного потенциала в соответствии с международными стандартами путем укрепления сотрудничества с НАТО. Конечно, это фактор самообороны в ответ на агрессивную политику России в регионе. Решение Грузии интегрироваться в евроатлантическое пространство, его политические институты и сотрудничать с США в политической и военной сферах также связано с фактом агрессии со стороны России. Акцент в военной доктрине на участие Грузии в миротворческих и наблюдательных миссиях ООН можно рассматривать как попытку страны внести свой вклад в дело мира.

Военная доктрина России, которая по-прежнему оказывает влияние на политический процесс в регионе, подчеркивает, что в нынешней глобальной обстановке существует множество нерешенных конфликтов и что существует тенденция к их разрешению с помощью силы. Доктрина подчеркивает, что границы НАТО приближаются к России и что этот орган грубо нарушает принципы международного права.

Согласно Закону Российской Федерации «Об обороне», принятому в 1996 году, вооруженные силы этой страны, помимо устранения угрозы нападения, обеспечения внутренней безопасности в случае возникновения угрозы военным базам, расположенным за пределами страны, также участвуют в соответствующих операциях в случае вооруженного нападения или опасной ситуации против своих представителей [3]. В то же время российские вооруженные силы могут участвовать в соответствующих операциях, если какое-либо другое государство подаст заявку на обеспечение собственной безопасности.

Устав ООН требует вооруженного вмешательства в двух случаях: коллективно для са-

мообороны (регулируется статьей 51) и на основании мандата Совета Безопасности (глава VII). Однако некоторые страны, в том числе Россия, считают гуманитарную интервенцию законной. Это основано на том, что часть 4 статьи 2 Устава ООН предусматривает территориальную целостность, а гуманитарное вмешательство предотвращает нарушение границ, включая защиту прав и свобод человека, предусмотренных частью 3 статьи 1 Устава. Например, Л.Д. Амато не охарактеризовал интервенцию США в Панаме в 1989 году как нарушение территориальной целостности и не принял смену правительства в результате этого вмешательства как акт американской оккупации [7]. Потому что независимость и территориальная целостность Панамы были сохранены.

Хотя военная доктрина Исламской Республики Иран не разглашается, идеи по некоторым ее компонентам всегда обсуждаются. Военная доктрина Ирана также более идеологична в соответствии с его концепцией национальной безопасности. Основные изменения были внесены в военную доктрину Ирана в 1988 году, в основном из-за политических событий вокруг Ирана в результате окончания ирано-иракской войны и других геополитических факторов, влияющих на внешнюю политику Ирана. Существует ряд стратегических концепций, определяющих военную доктрину Ирана. Концепция «Исламская армия» предусматривает реализацию трех принципиальных политик в области военного строительства [5]. Первый заключается в исламизации ключевого персонала армии бывшего шаха, второй - в развитии Корпуса стражей исламской революции и усилении его военной роли, а третий - в создании мобилизационной организации иранского народа и проведении общей военной подготовки для всей численности населения.

Еще одна концепция, лежащая в основе военной доктрины, называется концепцией «двух войн» [6]. В преамбуле к Конституции Исламской Республики Иран говорится: «Армия Исламской Республики и Корпус стражей исламской революции выполняют религиозную миссию не только для защиты границ страны, но и для ведения священной войны во имя Бога. и для установления божественной справедливости во всем мире [2]. Включение этой идеи в конституцию фактически отражает теорию Аятоллы Хомейни о двух войнах в исламе: джихаде и оборонительной войне. Таким образом, согласно теории Аятоллы Хомейни, джихад - это не агрессивная война. Это означает, что

каждый взрослый мусульманин готов взяться за оружие, чтобы обеспечить распространение ислама в других странах. Именно ислам может восстановить божественную справедливость во всем мире. По словам Хомейни, еще одна война носит оборонительный характер. Это вопрос национальной безопасности, направленный на защиту независимости Ирана и его защиты от иностранных агрессоров. Еще один интересный момент здесь заключается в том, что в других странах спасение мусульман, которые были притеснены «плохо управляемыми» лидерами, является частью этой политики. В отличие от джихада, все граждане, женщины и дети должны участвовать в оборонительной войне.

Концепция «асимметричной войны» - еще одна интересная концепция иранской военной доктрины, и основная идея этой концепции была включена в военную доктрину на фоне геополитических процессов на Ближнем Востоке в последние годы. Суть этой концепции в том, что иранское правительство прекрасно понимает, что иранская армия и ее военные возможности не способны противостоять США, Израилю и другим ведущим странам Европы. В связи с этим «асимметричную войну» в борьбе с агрессором будут вести правоохранительные органы и силы сопротивления, а также спецназ. Кроме того, в качестве ответного удара вооруженных сил Ирана планируется нанести удар не только по военным объектам агрессора, но и по гражданским объектам.

Литература

1. Закон Азербайджанской Республики «Об участии в миротворческих операциях», 2010. Решение Милли Меджлиса Азербайджанской Республики «Об утверждении Военной доктрины Азербайджанской Республики» Баку, 2010.
2. Конституция Исламской Республики Иран, 1989.
3. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994, № 6, с. 41-48.
4. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1999.-286 с.
5. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010.
6. Салуцкий А.С. Пророки и пороки: «Поп-наука» в зеркале реальности. М., 1990.
7. Резолюция Совета Безопасности ООН 1752. S/RES/1752 (2007). 13 Апрель 2007 // http://www.un.org/Docs/sc/unsc_resolutions07.htm

Features of the military legislation of the Caspian region

Hajiyev H.B.

Baku State University

The military legislation of a state is a set of normative legal acts that form the basis for the implementation of its defense policy in peacetime or during military threats and conflicts. The normative legal acts of the Republic of Azerbaijan regulating relations in the military area are systematized as defense legislation, which is due to the fact that the state declares the use of the armed forces for defense purposes on the basis of the principles of humanism. The main normative legal acts in the field of defense legislation are the laws "On the Armed Forces of the Republic of Azerbaijan", adopted in 1991, "On Defense", adopted in 1993, and "On the Border Troops", adopted in 1994. The Republic of Azerbaijan carries out bilateral military cooperation with a number of countries. Turkey and Pakistan occupy a special place in this list.

Keywords: countries of the Caspian region, military legislation, international law, military threat, national security.

References

1. Law of the Republic of Azerbaijan "On participation in peacekeeping operations", 2010. Decision of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan "On approval of the Military Doctrine of the Republic of Azerbaijan" Baku, 2010.
2. Constitution of the Islamic Republic of Iran, 1989.
3. Dogan M. Legitimacy of Regimes and the Crisis of Trust // Sociological Studies. 1994, No. 6, p. 41-48.
4. Zdravomyslov A.G. Interethnic conflicts in the post-Soviet space. M.: Aspect Press, 1999.-286 p.
5. Medvedev R. Soviet Union. Last years of life. The end of the Soviet empire. M., 2010.
6. Salutsky A.S. Prophets and vices: "Pop science" in the mirror of reality. M., 1990.
7. UN Security Council Resolution 1752. S/RES/1752 (2007). 13 April 2007 // http://www.un.org/Docs/sc/unsc_resolutions07.htm

Виды материального и нематериального обеспечения равномерности распределения имущества между супругами

Давыдова Анна Юрьевна

магистр права, адвокат адвокатский кабинет А.Ю. Давыдовой,
anna.uk2017@yandex.ru

До принятия СК предмет семейного права как отрасли / подотрасли права традиционно составляли личные и связанные с ними имущественные отношения, возникающие из брака и принадлежности к семье. Такое общетеоретическое определение соответствовало и существующей на то время позиции законодателя относительно круга и характера отношений, которые регулировались Кодексом о браке и семье 1969 года. В ст. 2 этого Кодекса прямо указывалось, что он регулирует личные и имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи, отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание. Однако, принимая новый УК РФ, законодатель не определил в отдельной статье круг отношений и их характер, которые им регулируются, как это имело место в вышеупомянутом Кодексе о браке и семье. Вместе с этим в СК РФ обусловлен круг участников семейных отношений, которые регулируются настоящим Кодексом, а также указано, что он регулирует семейные личные неимущественные и имущественные отношения между указанными лицами.

Ключевые слова: супруги, раздел имущества, права, семья, обязательство.

Содержательная составляющая СК, определяет место СК в сфере регулирования семейных отношений, и, как утверждает разработчик проекта СК, в нем изложены основные вопросы, по которым совершена эта кодификация, что и было ее задачей.

Если проанализировать содержание СК в системной взаимосвязи с приведенными положениями, а последняя указывает на цель регулирования семейных отношений, то можно прийти к такому выводу. В этих статьях в самом общем виде заложены конститутивные (необходимые) элементы семейных правоотношений. Характерным является то, что эти личные неимущественные и имущественные правоотношения являются семейными и имеют присущий им субъектный состав, содержание (направленность), объект и основания возникновения и прекращения. Поэтому, вполне понятна высказанная в литературе позиция об отнесении к предмету семейного права как отрасли или подотрасли права отношений, которые перечислены в СК РФ – семейных личных неимущественных и имущественных.

В действующем СК РФ увеличено количество норм, регламентирующих указанные отношения по сравнению с Кодексом законов о браке и семье. И это понятно, поскольку предыдущий Кодекс был основан на несколько иной системе принципов и построении социальных отношений в обществе, которое не относилось с уважением к таким ценностям, как право на тайну личной жизни, право на индивидуальность, право на информацию о состоянии своего здоровья и тому подобное [5].

Регулирование личных неимущественных отношений - одна из задач, стоящая перед СК РФ. Личные отношения являются тем кристально чистым лоном общественных отношений, полным духовности, нравственности и интимности, которое не может и не должно подвергаться влиянию со стороны права. Именно эти отношения должны складываться исключительно на принципах нравственности, взаимоуважения и других не правовых категорий. В то же время среди указанных личных отношений выделяются также и те из них, которые могут быть предметом правового опосредования.

Однако, как правильно отмечается в литературе, это не означает, что остальные личные неимущественные отношения находятся где-то в стороне и безразличны для их юридической оценки, поскольку именно в данном случае выявляется теснейшая связь прав и морали, взаимодействие между которыми достигает наибольшей полноты [2].

Согласно современному подходу предметом семейного права являются урегулированные правовыми нормами семейные личные неимущественные и связанные с ними имущественные отношения, возникающие из брака семьи и родства (родственничества). Содержанием брачных правоотношений являются взаимные права и обязанности супругов.

Такие понятия как «право» и «обязанность», если они закреплены в нормативном акте, должны означать именно право и обязанность, а не взаимные пожелания, которые не имеют обязательного значения. Если речь идет о естественное право каждого человека быть матерью или отцом, то, пожалуй, его можно конструировать в Семейном кодексе в виде конкретного правового связи (право-обязанность) между двумя людьми, тем более что круг этих лиц является ограниченным (жена и муж). Гражданские права и обязанности не могут возникать непосредственно на основании норм гражданского права, а требуют каждый раз наличия определенного юридического факта [7].

Естественные права человека сегодня составляют «важнейший элемент его общего статуса независимо от того, признаны ли они объективным правом, или нет. Другими словами, они объективны в силу своей естественности, неотчуждаемости от человека, и считаются такими, что предоставлены Богом.

Принятие СК РФ и вступление его в силу привело к дискуссии относительно правовой природы отношений, регулируемых семейным законодательством, возможности применения норм Гражданского кодекса РФ к урегулированию отношений в сфере семьи. Эта дискуссия касается и регулированию семейным правом личных неимущественных прав [3].

Система личных неимущественных прав закреплена в гражданском законодательстве, а отдельные элементы этой системы связаны с семейным законодательством. Важным является составление четкого и определенного перечня личных неимущественных прав, которые могут существовать в сфере семейных отношений. Общий анализ действующего законодательства дает все основания полагать, что большое количество закрепленных в СК РФ

личных неимущественных прав носит декларативный характер [9]. К неимущественным относятся отношения членов семьи, воспринимающих правовое регулирование, поддающиеся правовому влиянию. Так, правовые нормы определяют порядок определения или изменения фамилии ребенка или одного из супругов при регистрации брака, закрепляют личные неимущественные права участников семейных отношений – право на воспитание, общение, защиту и тому подобное. Вместе с тем основное количество личных отношений, которые возникают в семье, основываются на чувствах любви, дружбы, преданности, что не составляют сферу правового регулирования и не включаются в предмет семейного права [6].

Право на жизнь является естественным и фундаментальным правом человека, приоритетность которого распространяется на все законодательство государства [1].

Национальное и международное законодательство не может сужать этого естественного права человека, существование которого обусловлено непосредственно природой. Вопросы прав человека, которых она приобретает еще до рождения, российские и зарубежные ученые рассматривают обычно в двух плоскостях: во-первых, частного права (в контексте правового статуса субъекта гражданского права); во-вторых, публичного права (в отношении права на жизнь как признанного на международном уровне прав человека). С позиции гражданского права отсутствие у эмбриона статуса физического лица сводит его правовой статус к уровню регулирования вещного права, а собственно эмбрион рассматривают в контексте права собственности на вещь, то есть как объект, а не субъект правоотношений. Это позволяет ошибочно трактовать репродуктивное право женщины на распоряжение жизнью еще не родившегося ребенка как собственным телом. Однако осуществление этого субъективного права не может конкурировать с правом на жизнь эмбриона, поскольку эмбрион человека не является собственным органом женщины. Он является самостоятельной человеческой личностью, которая от зачатия имеет весь комплекс неповторимых человеческих генов, однако будут развиваться в будущем [8].

Защита права на жизнь человека признана на высшем национально правовом уровне. Так, в Конституции РФ определено о том, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в России высшей социальной ценностью. Поскольку нерожденный ребенок – это

тоже человек, эта конституционная норма, бесспорно, защищает и его жизнь. Следовательно, право на жизнь имеет каждый человек. Поэтому лишение жизни может быть обусловлено исключительно рядом объективных причин, которыми, по национальному законодательству отдельных стран, где не отменена смертная казнь, может рассматриваться как совершение лицом особо тяжких преступлений. Однако действия, направленные на лишение жизни невинного еще не рожденного ребенка, не могут быть легализованы национальным законом как персональное «право» женщины, что предполагает распространение примата ее репродуктивного права на естественное право ребенка на жизнь;

Именно ратификация Конвенции о правах ребенка дала толчок для развития новейшего семейного законодательства, которое более тщательно урегулировало личные неимущественные права и обязанности родителей и детей. Принадлежность субъективных семейных прав и обязанностей конкретным лицам (супругам, родителям) свидетельствует о возникновении правоотношений между конкретно определенными лицами, желающими осуществить цель, ради которой они вступают в конкретные семейные (брачные) правоотношения и подписываются на осуществление субъективных семейных прав и выполнении субъективных семейных обязанностей.

Что касается обязанностей, характерных для супругов, то следует отметить, что прежде всего, каждый из супругов обязан не мешать второму из супругов осуществлять его права на материнство, отцовство; на уважение к своей индивидуальности; на физическое и духовное развитие; на смену фамилии; на выбор места жительства, уважение к своей индивидуальности, на свободу и личную неприкосновенность и тому подобное. Во-вторых, праву одного из супругов соответствует обязанность второго по совместному решению супругами вопросов семьи [4]. В-третьих, существует также личная обязанность каждого из супругов не вступать в другие брачные правоотношения во время пребывания в уже заключенном браке. Любому субъективному праву данного конкретного субъекта в правовой сфере должен корреспондировать хотя бы одну субъективную обязанность другого субъекта, и, наоборот, любому субъективному долгу конкретного субъекта в правовой сфере должно корреспондировать хотя бы одно субъективное право другого субъекта.

Таким образом, личные неимущественные права супругов имеют огромное значение у семейных правоотношений. Они могут осуществляться всеми супружескими парами (например, право на материнство, отцовство, на смену фамилии, выбор места проживания и тому подобное), а могут возникать при определенных жизненных семейных (супружеских) обстоятельствах (например, смена пола одного из супругов, суррогатное материнство и т. п.).

Литература

1. Ахмадулина, Э. Р. Проблемы раздела имущества супругов / Э. Р. Ахмадулина // Вестник магистратуры. – 2020. – № 3-1(102). – С. 77-78.

2. Дерюшева, О. И. О некоторых особенностях раздела имущества супругов (по материалам судебной практики) / О. И. Дерюшева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 19-28.

3. Иванова, О. Н. Раздел общего имущества супругов и бывших супругов / О. Н. Иванова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 5(185). – С. 9-11.

4. Куликова, Т. В. Проблемные вопросы раздела совместного имущества супругов при наличии долговых обязательств / Т. В. Куликова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 10(125). – С. 98-100.

5. Полякова, Е. Ю. Правовые аспекты раздела имущества супругов при банкротстве / Е. Ю. Полякова // Студенческий вестник. – 2020. – № 35-1(133). – С. 44-47.

6. Самсонов, А. И. Коллизии в семейных отношениях, связанные с разделом общего имущества супругов в семейном и гражданском законодательстве / А. И. Самсонов // Гражданское законодательство РФ: история и современное состояние, тенденции и перспективы развития : В Национальная научно-практическая конференция (симпозиум) : сборник научно-практических статей, Краснодар, 15 мая 2020 года / Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина». – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. – С. 196-200.

7. Сулейманов, Э. Э. Семейно-правовые споры, связанные с разделом имущества супругов / Э. Э. Сулейманов // Гражданское зако-

нодательство РФ: история и современное состояние, тенденции и перспективы развития : В Национальная научно-практическая конференция (симпозиум) : сборник научно-практических статей, Краснодар, 15 мая 2020 года / Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина». – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. – С. 226-229.

8. Титова, Э. А. Выделение долей имущества по закону и раздел общего имущества супругов / Э. А. Титова // Студенческий форум. – 2020. – № 30(123). – С. 75-76.

9. Языкбаева, Д. З. Соглашение о разделе совместного имущества как способ раздела имущества супругов / Д. З. Языкбаева // Вопросы гуманитарных наук. – 2019. – № 4(103). – С. 47-49.

10. Языкбаева, Д. З. Соглашение о разделе совместного имущества как способ раздела имущества супругов / Д. З. Языкбаева // Вопросы гуманитарных наук. – 2019. – № 4(103). – С. 47-49.

Types of material and non-material support for the uniformity of the distribution of property between spouses

Davydova A.Yu.

Law Office A.Yu. Davydova

Prior to the adoption of the UK, the subject of family law as a branch/sub-branch of law traditionally consisted of personal and related property relations arising from marriage and belonging to a family. Such a general theoretical definition corresponded to the existing position of the legislator at that time regarding the range and nature of relations that were regulated by the Marriage and Family Code of 1969. In art. 2 of this Code explicitly stated that it regulates personal and property relations arising in the family between spouses, between parents and children, between other family members, relations arising in connection with adoption, guardianship and guardianship, adoption of children for upbringing. However, when adopting the new Criminal Code of the Russian Federation, the legislator did not define in a separate article the circle of relations and their nature, which are regulated by it, as was the case in the aforementioned Marriage and Family Code. At the same time, the RF IC determines the circle of participants in family relations, which are regulated by this Code, and also states that it regulates family personal non-property and property relations between these persons.

Keywords: spouses, division of property, rights, family, obligation.

References

1. Akhmadulina, E. R. Problems of the division of property of spouses / E. R. Akhmadulina // Bulletin of the Magistracy. - 2020. - No. 3-1 (102). - S. 77-78.
2. Deryusheva, O. I. On some features of the division of property of spouses (based on judicial practice) / O. I. Deryusheva // Bulletin of the South-Western State University. Series: History and Law. - 2020. - T. 10. - No. 4. - S. 19-28.
3. Ivanova, O. N. Division of common property of spouses and former spouses / O. N. Ivanova // Law and state: theory and practice. - 2020. - No. 5 (185). - P. 9-11.
4. Kulikova, T. V. Problematic issues of the division of joint property of spouses in the presence of debt obligations / T. V. Kulikova // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. - 2020. - No. 10(125). - S. 98-100.
5. Polyakova, E. Yu. Legal aspects of the division of property of spouses in bankruptcy / E. Yu. Polyakova // Student Bulletin. - 2020. - No. 35-1(133). - S. 44-47.
6. Samsonov, A. I. Collisions in family relations associated with the division of the common property of spouses in family and civil law / A. I. Samsonov // Civil legislation of the Russian Federation: history and current state, trends and development prospects: In the National Scientific and practical conference (symposium): collection of scientific and practical articles, Krasnodar, May 15, 2020 / Research Institute of Actual Problems of Modern Law; Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. - Krasnodar: Research Institute of Actual Problems of Modern Law, 2020. - P. 196-200.
7. Suleimanov, E. E. Family law disputes related to the division of property of spouses / E. E. Suleimanov // Civil legislation of the Russian Federation: history and current state, trends and development prospects: At the National scientific and practical conference (symposium): collection of scientific and practical articles, Krasnodar, May 15, 2020 / Research Institute of Actual Problems of Modern Law; Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. - Krasnodar: Research Institute of Actual Problems of Modern Law, 2020. - P. 226-229.
8. Titova, E. A. Allocation of shares of property under the law and division of the common property of spouses / E. A. Titova // Student Forum. - 2020. - No. 30(123). - S. 75-76.
9. Yazykbaeva, D. Z. Agreement on the division of joint property as a way to divide the property of the spouses / D. Z. Yazykbaeva // Questions of the Humanities. - 2019. - No. 4 (103). - S. 47-49.
10. Yazykbaeva, D. Z. Agreement on the division of joint property as a way to divide the property of the spouses / D. Z. Yazykbaeva // Questions of the Humanities. - 2019. - No. 4 (103). - S. 47-49.

Актуальные вопросы применения смертной казни

Сулимова Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры организационно-управленческих инноваций, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Sulimova.EA@rea.ru

Горина Ольга Максимовна

студент факультета экономики и права, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», gorinova999@yandex.ru

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы о применении смертной казни. Выделяются концептуальные позиции в дискуссии о смертной казни. В работе приводится понятие смертной казни. Данная тематика, в той или иной мере, обсуждается во всех странах на протяжении всего периода их существования. В статье представлены мнения сторонников и противников данного наказания во всем мире. Проводится анализ отношения к данному вопросу экономистов, криминологов, юристов, политиков, как на историческом уровне, так и на современном этапе развития общества. Вопрос о применении смертной казни, как одной из жесточайших мер наказания, вызывал и вызывает огромное количество споров. В работе рассмотрены особенности отношения к проблеме применения смертной казни в России, США и Европейском союзе. Анализируется правомерность смертной казни, как восстановления социальной справедливости в современном обществе. Затрагивается вопрос целесообразности замены смертной казни, таким институтом системы наказания, как пожизненное лишение свободы.

Ключевые слова: смертная казнь, уровень преступности, наказание, ЕС, Россия, государственная политика, мораторий, общественное мнение.

Дискуссия о смертной казни была актуальна в той или иной степени во всех государствах и на протяжении всего времени их существования. На данный момент в современном мире этот вопрос все еще является дискуссионным, так как при тенденции к гуманизации общества, одни все еще считают, что казнь - это соответствующее наказание для опасных преступников, объясняя это тем, что пожизненное заключение является слишком мягкой участью и не исключает преступного рецидива, а так же экономически не рациональна, а другие тем временем придерживаются мнения, что казнь - это такое же насилие, как и само преступление, а так же не исключает судебной ошибки из-за плохо развитой системы подбора и юридической подготовки присяжных.

Противники данного вида наказания убеждены в ее антигуманности и неспособности влияния на причины преступных деяний, а соответственно не обладает сдерживающим и предупреждающим эффектами. Они считают, что казни порождают преступления и деморализуют общество. Помимо этого, в обществе активно ведутся споры об этике данного вида наказания. В данном вопросе объектом является смертная казнь, а предметом - дискуссия о полезности применения смертной казни.

Смертная казнь - один из самых древних видов наказания, изначально возникший на основе принципа Талиона (око за око, зуб за зуб), согласно ему, за убийство достойным наказанием является смерть путем казни, особую роль сыграл и обычай кровной мести, которую впоследствии заменила смертная казнь.

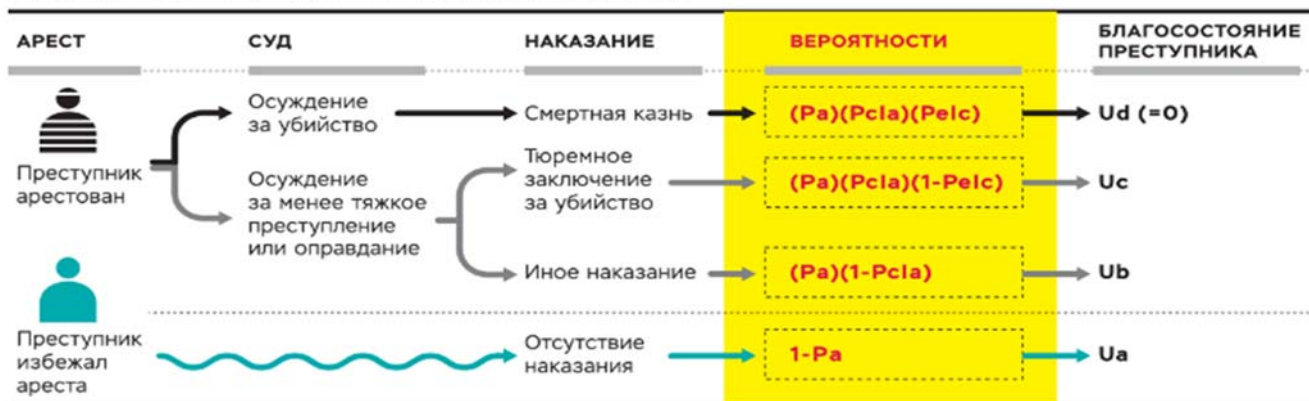
Дискуссия о полезности смертной казни - обсуждение с участием широкого круга политиков, ученых, религиозных деятелей, организаций и движений о допустимости применения данного вида наказания и необходимости его применения государством.

Вопрос о применении смертной казни, как одной из жесточайших мер наказания вызывал и вызывает огромное количество споров. На аргументацию «за» и «против» данного вида наказания можно обратить внимание в религиозных текстах («око за око», «не убий»). Как за отмену, так и за применение смертной казни высказываются различные политики и общественные деятели.

Не менее важны и сами преступления, к которым можно и нужно применять высшую меру наказания. Однако, в современном мире роль личности в обществе имеет свое место. В каждом государстве свое отношение к ценности жизни, правам и свободам. Сейчас многие люди, политики и экономисты задаются вопросами о целесообразности, необходимости и полезности применения смертной казни.

Одним из первых экономистов, кто решил разобраться в вопросе экономической эффективности применения государствами смертной казни был Айзек Эрлих, согласно подходу которого, перед потенциальным преступником, принимающим решение о совершении какого-то тяжкого преступного деяния, за которое его могут лишить жизни, стоит несколько перспектив развития событий. Такие перспективы представлены ниже (рис. 1) [2].

МОДЕЛЬ ТРЕХ ВЕРОЯТНОСТЕЙ АЙЗЕКА ЭРЛИХА

P_a – вероятность ареста преступника
 P_{c1a} – вероятность осуждения за убийство уже арестованного преступника
 P_{e1c} – вероятность того, что уже осужденного за убийство преступника приговорят к смертной казни
 При этом благосостояние преступника, отраженное в последнем столбце, сокращается от самой нижней к верхней строке ($U_a > U_b > U_c > U_d$)

Рисунок 1 - Вероятность наказания убийцы [2]

Из данных теоретических построений Эрлих сделал заключение, что казнь может быть достаточно эффективным средством борьбы с тяжкими преступлениями, так как осуществляется сдерживающий эффект, который ниже вероятности ареста и осуждения.

А. Эрлих, согласно собственным расчетам, сформулировал закономерность, исходя из которой можно предположить, что казнь одного убийцы предотвращает совершение до 15 новых убийств. Последующие научные работы Р. Лемперта, Дж. Конрада, Л. Фридмана, и ряда других экономистов и криминологов, демонстрируют довольно схожие результаты. Однако присутствует вероятность высокой погрешности в его расчетах, что достаточно вероятно для этих сложных эконометрических вычислений.

Г. Таллок с использованием иного метода и подхода к измерению данной закономерности провел схожие исследования, результаты которого кардинально отличились. Они показали, что казнь предотвращает только два убийства, но никак не 15.

Многие экономисты и криминологи, сводили все к тому, что возможность наступления для них тяжких последствий сильно влияет на вероятность совершения преступления. Они

свели эти вероятности к кривой спроса и предложения - при росте уровня цен уменьшается спрос, соответственно, если мы увеличим размер наказания - то сократится количество этих деяний.

Во второй половине 1980-х годов Г. Пирс и У. Боверс сформулировали «теорию ожесточения». Исходя из этой теории, мы можем сделать вывод об отсутствии необходимости применения смертной казни из-за нравственного ущерба, который наносит обществу каждый новый акт совершения подобного правосудия.

На данный момент эта теория являетсяобладающим аргументом среди противников смертной казни в США, где смертная казнь практикуется в 28 штатах.

В 1988 – 1996 годах Роджер Худ – видный американский ученый, работающий под руководством ООН провел исследование о полезности применения смертной казни и подводя итоги заявил, что научно обоснованное подтверждение более устрашающего эффекта казней над пожизненным заключением отсутствует. Работы Роджера Худа продлились до 2002 года и его заключения подвели более категоричные итоги о том, что отсутствуют доказательства наличия сдерживающего эффекта

казни для лиц, планирующих тяжкие преступления, а так же что нет оснований для планирования благоприятных эффектов в динамике потенциального уровня преступности государствами, планиующими отмену такого вида наказания [3]. В нашей стране за отмену смертной казни выступали Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, Н.А. Бердяев, а из криминологов – Н.С. Таганцев, М.Н. Гернет, а среди сторонников применения смертной казни были В.А. Жуковский, Б.Н. Чичерин.

В 2016 году в США прошел опрос среди сотрудников полиции и окружных шерифов, который дал следующие результаты (табл. 1) [2].

Таблица 1
Результаты опроса среди сотрудников полиции и окружных шерифов США, 2016 г.

Мнение о смертной казни	Сторонников, %
Смертная казнь - эффективное средство в борьбе с преступностью	3%
Смертная казнь не способствует снижению преступности	67%
Совершая преступление, преступники не думают о наказании	8%

Европейский Союз же категорически выступает против применения смертных казней и некоторые европейцы даже считают ее использование в Соединенных Штатах варварским. Многие европейские экономисты и криминологи утверждают, что не только смертная казнь, но и наказание в целом не сдерживает преступников.

Все государства-члены ЕС отменили смертную казнь. Что прописано в Европейской конвенцией о Правах человека (ЕКПЧ), в частности в ее Протоколах № 6 и № 13, а также статье 2, которая гласит, что "Право каждого человека на жизнь должно быть защищено законом". В соответствии со своими Договорами Европейский союз обязан уважать и поощрять права человека во всей своей внутренней и внешней политике. Хартия основных прав ЕС перекликается с ЕКПЧ, подчеркивая неотъемлемое право на жизнь в своей статье 2. Институты ЕС обязаны учитывать это как во внутренней, так и во внешней политике. С этой целью ЕС стремится к отмене смертной казни в мире в качестве самого приоритетного вопроса. План действий ЕС по правам человека и демократии (2015-2019 годы) включает цель (№15) борьбы с пытками, жестоким обращением и смертной казнью [7].

ЕС также использует свою торговую политику для поощрения стран к соблюдению своих международных обязательств в области прав человека. Европейский парламент решительно выступает против смертной казни, эту

позицию он неоднократно выражал в различных резолюциях, например в своей резолюции от декабря 2018 года о ежегодном докладе ЕС о правах человека и демократии в мире в 2017 году. В своей резолюции 2015 года о смертной казни парламент выразил решительное несогласие с этим видом наказания и осудил его использование для подавления оппозиции или на основании религиозных убеждений, гомосексуализма или прелюбодеяния. В ней также отражено, что смертные приговоры не могут сдерживать незаконный оборот наркотиков или предотвращать то, чтобы отдельные лица становились жертвами злоупотребления наркотиками.

В своей торговой политике ЕС принял законодательство, запрещающее торговлю товарами, которые могут быть использованы для пыток или казни. К таким товарам относятся барбитураты, используемые в смертельных инъекциях для казни людей. ЕС внес свой вклад в создание в 2017 году нового глобального альянса, целью которого является запрет торговли товарами для пыток и казней.

Но, в то время как европейцы, с гораздо меньшим уровнем преступности чем в США, продолжительное время могли позволить себе относиться к большинству преступлений относительно мягко, уровень преступности у них резко вырос за последние двадцать лет, пока в Соединенных Штатах показатели упали, отчасти из-за более широкого применения наказаний.

В России исследователи фонда "Общественное мнение" провели опрос с целью узнать отношение граждан к отмене моратория на смертную казнь. Гражданам было предложено высказать мнение о том, стоит ли полностью вернуть смертную казнь, отменить ее или продолжать придерживаться моратория. Опрос показал следующие результаты (табл. 2) [5].

Таблица 2
Результаты опроса об отношении граждан к отмене моратория на смертную казнь [5]

Мнение о смертной казни	Сторонников, %
Следует вернуться к применению смертной казни	52%
Следует придерживаться моратория	30%
Следует полностью отменить смертную казнь	8%

Исходя из данных этого опроса, 69% респондентов считают, что за некоторые тяжкие преступления необходимо казнить преступников (табл. 3) [5].

По результатам исследования фонда "Общественное мнение" 45% респондентов считают, что в 1996 году Россия поступила неверно,

введя мораторий на смертную казнь, 37% уверены в обратном, а 18% затруднились с ответом. Опрос был проведен 26-27 октября 2020 года в 104 населенных пунктах. Участие в данном опросе приняли 1.5 тысяч человек, а статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Тем не менее смертные казни по-прежнему используются во множестве стран мира. Помимо КНР и ее засекреченной статистики, которая стоит на первом месте по казням в мире, в пятерку стран, лидирующих по этим показателям, входят Иран, Саудовская Аравия, Ирак и Египет (рис. 2) [8].

Таблица 3
Результаты опроса граждан, считающих за какие тяжкие преступления необходимо казнить преступников [5]

Вид преступления	Сторонников введения за него смертной казни, %
Преступления против несовершеннолетних	69%
Убийство	57%
Терроризм	53%
Противники введения за них смертной казни	21%

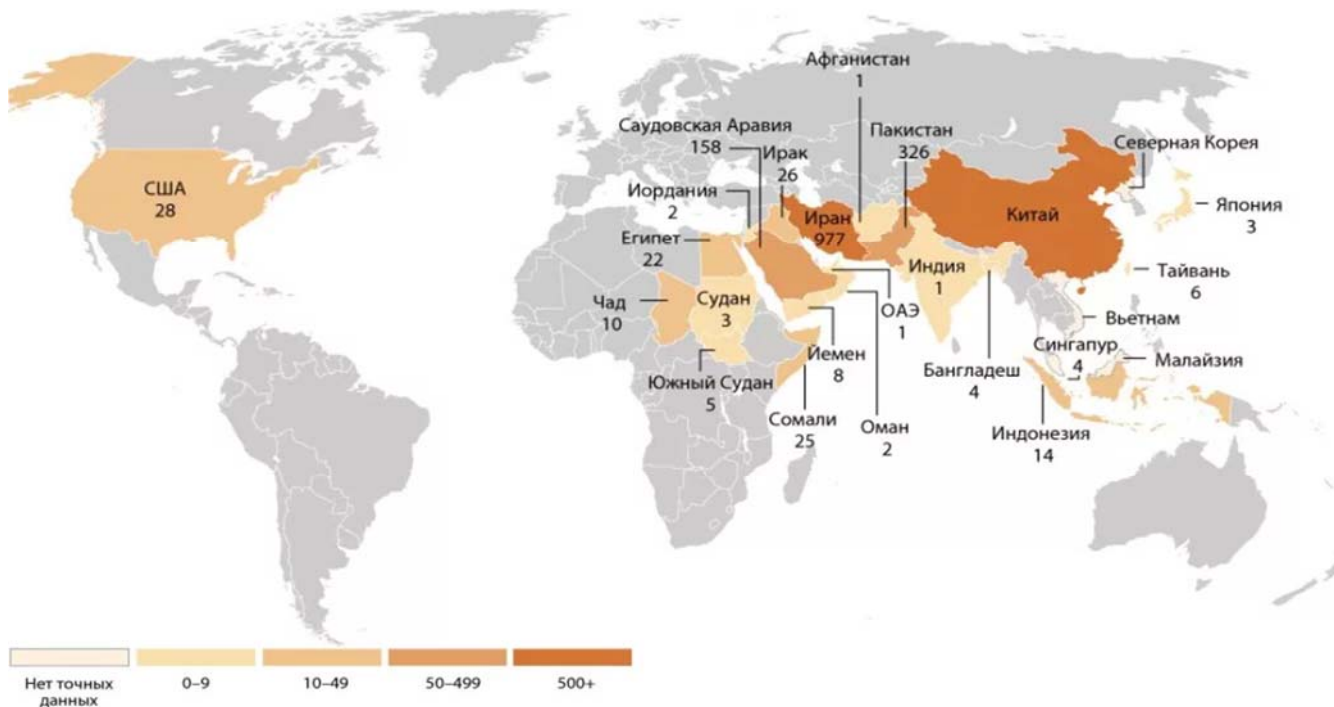

Рисунок 2 - Смертные казни в мире 2020 [8]

В КНР смертельные приговоры исполняются как правило путем введения инъекции с ядом или расстрелом. Важно заметить, что эта довольно жесткая государственная политика поддерживается широкими слоями населения. Смертная казнь там выносят коррупционерам, распространителям наркотических средств, взяточникам, но все это лишь некоторые виды преступлений, за которые можно попроситься с жизнью в КНР. Всего же в списке особо тяжких преступлений около 68 видов.

В Иране, Египте, Ираке и Саудовской Аравии в 2020 году было применено около 88% смертных приговоров от общемировых показателей. Консервативное население этих государств поддерживает политику властей. Измена и религиозные преступления на Востоке караются смертной казнью, статистика которой

не скрывается государствами, поддерживающими публичные казни.

В России тоже довольно активно ведутся споры о целесообразности и полезности применения смертной казни среди политиков и партий. Сторонниками смертной казни выступают Коммунистическая партия России и Либерально-демократическая партия. КПРФ недовольна отменой в 2009 году смертной казни: большинство членов партии придерживаются мнения, что данный запрет наносит удар по Российским интересам. После совершенных актов терроризма в московском метрополитене Геннадий Зюганов предложил восстановить смертную казнь за особо тяжкие преступления.

Владимир Жириновский так же выступает за возвращение смертной казни: он считает, что

это послужит поводом для сокращения количества совершенных преступлений. По его словам, пожизненное лишение преступников свободы наделяет их безопасностью и создает условия для коррупции.

Против восстановления смертной казни выступил Президент РФ Владимир Путин. По его мнению, ужесточение наказания не ведёт к искоренению преступности [6].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что дискуссия о полезности смертной казни и насущности ее легального применения приобретает все большие масштабы. Существует множество аргументов как за, так и против применения данного наказания, однако, несмотря на то, что смертная казнь, действительно выступает сдерживающим фактором, не стоит забывать и о том, что есть альтернативные меры наказания, не уступающие в эффективности казни.

Множество экономистов, криминологов, юристов, политиков считают применение смертной казни простым и универсальным средством борьбы с уровнем преступности и количеством потенциальных тяжких преступлений, требуют от нее нечто большее, чем лишение человека жизни. Однако заметим, что необходимо не столько совершенствовать карательные системы государств, сколько стремиться предотвратить саму преступность. Основа преступности в социальной среде, ведь преступниками не рождаются.

Необходимо бороться с нищетой и социальным неравенством. Модернизация законодательства должна осуществляться не ради удовлетворения международных организаций, а для удовлетворения общественных потребностей и укрепления демократических основ, что необходимо для всего общества.

Литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Крысин В.А., Петряшова А.А., Пустынин Д.Д. Смертная казнь: история и современность // Аллея науки. Т.5. 4(20). 2018 С. 699-704.

3. Подройкина И.А. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов / И. А. Подройкина [и др.]; под редакцией И. А.

Подройкиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 266 с.

4. Mkrtumova I.V., Omarbekova A.I., Silnov D.S., Sulimova E.A., Kurmashkyzy A. The modern problems of communication and social interaction of deviant teenagers using social networks // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Т. 25. № July. С. 89-104.

5. Официальный сайт Фонда общественного [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/> (дата обращения 26.11.21).

6. РБК. Официальный [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения 28.11.21).

7. Официальный сайт Европейского парламента [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu> (дата обращения 20.11.21).

8. Официальный сайт NEWS.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/> (дата обращения 18.11.21).

Topical issues of the use of the death penalty

Sulimova E.A., Gorinova O.M.

Plekhanov Russian University of Economics

The article discusses controversial issues about the use of the death penalty.

The conceptual positions in the discussion about the death penalty are highlighted. The work introduces the concept of the death penalty. This topic, to one degree or another, is discussed in all countries throughout the entire period of their existence. The article presents the opinions of supporters and opponents of this punishment all over the world. The analysis of the attitude of economists, criminologists, lawyers, politicians to this issue, both at the historical level and at the present stage of the development of society, is carried out. The issue of the use of the death penalty, as one of the most severe punishment measures, has caused and is still causing a huge amount of controversy. The paper examines the features of the attitude to the problem of the use of the death penalty in Russia, the United States and the European Union. The author analyzes the legality of the death penalty as the restoration of social justice in modern society. The question of the expediency of replacing the death penalty with such an institution of the punishment system as life imprisonment is touched upon.

Keywords: death penalty, crime rate, punishment, EU, Russia, state policy, moratorium, public opinion.

References

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. Krysin V.A., Petryashova A.A., Pustynin D.D. The death penalty: history and modernity // Alley of Science. Т.5. 4 (20). 2018 S. 699-704.
3. Podroikina I.A. Criminal liability and punishment: textbook for universities / I. A. Podroikina [and others]; edited by I. A. Podroikina. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. - 266 p.
4. Mkrtumova I.V., Omarbekova A.I., Silnov D.S., Sulimova E.A., Kurmashkyzy A. The modern problems of communication and social interaction of deviant teenagers using social networks // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25, No. July. S. 89-104.
5. Official site of the Public Foundation [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/> (date of treatment 11/26/21).
6. RBC. Official [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/> (date of treatment 11/28/21).
7. Official website of the European Parliament [Electronic resource]. URL: <https://www.europarl.europa.eu> (date of access 20.11.21).
8. Official site NEWS.ru [Electronic resource]. URL: <https://www.newsru.com/> (date of treatment 11/18/21).

Компенсация морального вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе

Батурина Наталия Игоревна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

В статье изложены основные тезисы, характеризующие проблемные вопросы, возникающие на практике, при определении судом размера денежных сумм, выплачиваемых потерпевшим, пострадавшим от преступных действий. Предложено расширить перечень преступлений, за совершение которых у потерпевшего возникнет возможность предъявлять гражданский иск в части не только о возмещении имущественного вреда, но и о компенсации морального вреда.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, имущественные преступления, методика определения, нравственные и физические страдания.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, а именно ст. 44 УПК РФ [1] предоставляет возможность лицу, признанному потерпевшим по уголовному делу заявить требования о компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства с помощью предъявления гражданского иска, если установлена причинно-следственная связь между преступным деянием и наступившими последствиями. В данном случае наступившие последствия представляют собой нравственные и физические страдания потерпевшего, которые могут проявляться по различным «этиологиям»: переживание в связи с потерей родственников, невозможность продолжить активную общественную жизнь, потеря работы, раскрытие семейной или врачебной тайны, распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временное ограничение или лишение каких-либо прав, физическая боль, связанная с причинением увечья, иное повреждение здоровья либо с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и иные нравственные или физические страдания, причиненные преступлением, посягающие на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага [2].

Гражданское законодательство (ст. 150 ГК РФ) [3;8] позволяет определить примерный перечень нематериальных благ в случае нарушения которых на нарушителя может возлагаться обязанность по выплате потерпевшему компенсации морального вреда. К таким нематериальным благам следует относить: жизнь и здоровье гражданина, его личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию; неприкосновенность жилища и частной жизни; личную и семейную тайны; свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства; имя; право авторства и иные неотчуждаемые и непередаваемые блага.

Указанные в законе нематериальные блага, нарушенные преступным деянием, достаточно сложно восстанавливаются, по сравнению с возмещением имущественного вреда, который

будет состоять из возмещения реальных убытков и упущенной выгоды. При причинении потерпевшему имущественного вреда можно достаточно точно определить на сколько ухудшилось состояние вещи и чего не смог получить собственник вещи в результате изменения ее состояния или отсутствия. Восстановить нематериальные блага до состояния, которое было до их нарушения, практически невозможно, за исключением вопросов защиты чести, достоинства и деловой репутации. Так, например, если было совершено преступление, квалифицируемое по ст. 129 УК РФ – клевета, то восстановление «доброго» имени потерпевшего, возможно с помощью опровержений, которые могут быть даны и через средства массовой информации или выдвижения потерпевшим требований удалить недостоверную информацию из сети «Интернет». Кроме этого, закон не ограничивает потерпевшего требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением заведомо ложной информации. Когда же, преступными действиями, причиняется вред жизни и здоровью потерпевшего, то восстановить нарушенные нематериальные блага таким способом, как публичное извинение, в принципе невозможно. В связи с этим, уголовно-процессуальное законодательство предусмотрело предъявление гражданского иска для имущественной компенсации морального вреда, но не определило конкретного размера компенсации морального вреда, который мог быть заявлен в иске потерпевшим. Гражданин вправе заявить любую сумму иска, которая, по его мнению, смогла бы компенсировать понесенные им душевные страдания. Однако, определение судом размера компенсации морального вреда производится на основании положений ст. 150 ГК РФ, которые базируются на двух факторах: степень вины нарушителя (подсудимого) и степень физических и нравственных страданий, зависящих от индивидуальных особенностей потерпевшего. Что касается степени вины подсудимого, то здесь, достаточно все ясно. Уголовное законодательство четко определяет формы вины – умысел и неосторожность. Однако относительно определения содержания термина «нравственные страдания», то на законодательном уровне он отсутствует, что порождает его неоднозначное толкование. На доктринальном уровне сложилось несколько мнений по данному вопросу. Так, по мнению К.А. Тарасевича, термин «нравственные страдания» используется в законе для обозначения несколько более широкого понятия, содержание которого полностью

отражает дефиниция «психические страдания» и носит более этический характер. С точки зрения психологии понятие «психические страдания», помимо нравственных страданий, охватывает весь спектр нарушений психического здоровья лица [4, с.158]. А.М. Эрделевский полагает, что наиболее близким по своему значению к понятию «нравственные страдания» относится понятие «переживания», содержанием которого может являться страх, стыд, унижение, иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Нравственные страдания может вызвать любое неправомерное действие или бездействие [5, с.7].

Кроме того, что суд должен учитывать вину подсудимого и психо-физическое состояние потерпевшего при определении размера компенсации морального вреда, необходимо учитывать и иные заслуживающие внимания обстоятельства, такие как – продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства. Соблюдение судом принципов разумности и справедливости является значимым при принятии решений по данному вопросу, поскольку на законодательном уровне отсутствует механизм определения размера компенсации вреда. Справедливое судебное отношение к заявленному иску, индивидуальное правосознание судьи является неотъемлемой составной частью института компенсации морального вреда и в какой-то мере источником определения размера компенсации морального вреда. Как правило, заявленные истцами суммы компенсации морального вреда, традиционно, снижаются судами в десятки раз, поэтому необходимо выработать методику, способную оценить размер морального вреда. В научной литературе сложился не однозначный подход по данному поводу. Одни полагают, что при определении размера денежной суммы компенсации морального вреда, судам необходимо руководствоваться не только индивидуальными психологическими особенностями потерпевшего, но и его материальным положением [6, с.23-24]. Другие считают, что если при оценке размера компенсации морального вреда учитывать индивидуальные характеристики потерпевшего, то в таком случае будут нарушаться два правовых принципа: равенства прав граждан и принцип, гласящий, что «право есть применение равного масштаба к разным людям» [7, с.21]. По нашему мнению, следует установить конкретные суммы, которые бы складывались

из размера средней заработной платы или среднемесячного содержания или ежемесячного вознаграждения и категории совершенного преступления.

Так, за преступления небольшой тяжести размер компенсации морального вреда мог бы составить двенадцатикратный размер заработной платы или среднемесячного содержания или ежемесячного вознаграждения, за преступления средней тяжести – тридцати шести кратный размер заработной платы или среднемесячного содержания или ежемесячного вознаграждения, а за тяжкие и особо тяжкие преступления – тридцати шести кратный размер заработной платы или среднемесячного содержания или ежемесячного вознаграждения. Отсутствие общепринятой методики определения размера компенсации морального вреда приводит к тому, что по схожим искам суммы компенсации морального вреда, отличаются в десятки раз друг от друга, что в дальнейшем является основанием для обращения в вышестоящий суд в порядке апелляции или надзорного производств[9].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству компенсация морального вреда возможна только за преступления, в результате которых был причинен вред жизни и здоровью граждан, неприкосновенности их частной жизни или жилища, неимущественным правам автора и иным нематериальным благам человека. Однако, за совершение таких преступлений, как кража, мошенничество с её разновидностями и иные преступления корыстного характера, иски о компенсации морального вреда судами не удовлетворяются. Основанием отказа в удовлетворении иска в части компенсации морального вреда является отсутствие насилия потерпевшего. Удовлетворению подлежит иск только в части о возмещении имущественного вреда.

Мы полагаем, что такая позиция суда является неоправданной, поскольку в результате совершения подобных преступлений, потерпевший лишается не только своего имущества, но и испытывает душевные страдания и переживания из-за ухудшения своего материального положения. Существующая проблема видится в том, что на законодательном уровне отсутствует содержание понятия вреда, причиненного именно преступлением, нет четких критериев, по которым бы можно было бы определить в каких случаях, возможно, заявить требование о компенсации морального вреда, чтобы право потерпевшего было реализовано судом.

Думается, что при совершении кражи или мошеннических действий, потерпевший ничуть не меньше переживает, нежели если это касается компенсации морального вреда в рамках трудовых отношений, при защите прав потребителей, нарушений прав и интересов в результате ненадлежащей рекламы, что предусмотрено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20.12.1994 № 10 «О некоторых вопросах применении законодательства о компенсации морального вреда» [2]. В положениях указанного Постановления перечисляются основания, при которых наряду с возмещением имущественного вреда, одновременно может быть заявлен иск о компенсации морального вреда: при нарушении прав потребителя, социальных гарантий военнослужащих и работников, а так же при причинении вреда имуществу физическому лицу ненадлежащей рекламой. Кроме названных оснований по компенсации морального при одновременном причинении имущественного вреда, более ничего не сказано. Очевидно для всех, что компенсация морального вреда потерпевшему, пострадавшему от «имущественного преступления» приобретает большую значимость, нежели, когда потребителю предоставили некачественный товар, уровень душевных переживаний несопоставим.

В анализируемом Постановлении Пленума Верховного суда РФ предусмотрено лишь то, что в соответствии со ст. 44 УПК РФ потерпевший, которому причинен моральный, физический или имущественный вред, обладает правом на предъявление гражданского иска о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу, не разъясняя при этом, какие именно статьи УК РФ могут быть отнесены к преступлениям, повлекшим причинение только имущественного вреда. Думается, что подобная конкретизация перечня «имущественных преступлений», позволила бы чувствовать потерпевшего более защищенным, освобождая его при этом от дополнительных переживаний при доказывании суду о наличии у него душевного потрясения, возникшего в результате такого преступления.

Срок подачи иска о компенсации морального вреда строго определен законом – он не может быть подан до возбуждения уголовного дела и не позднее окончания проведенного судебного следствия в суде первой инстанции. Нарушение сроков подачи гражданского иска о компенсации морального вреда может послужить основанием для подачи апелляционной жалобы управомоченными на то законом лицами (ч. 2 ст. 389.1 УПК РФ) и последующей

отмены части приговора по данному вопросу и направления иска на новое рассмотрение, но уже в порядке гражданского судопроизводства. Если иск не был подан потерпевшим по уголовному делу в установленные законодателем временные рамки, то это не означает, что у гражданина «потеряно» право компенсировать свои душевные страдания, возникшие в результате преступления. Подобная ситуация может быть разрешена с помощью гражданско-процессуального законодательства согласно ч. 3 ст. 31 ГПК РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 // СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «Консультант Плюс»
4. Тарасевич К.А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда // Ленинградский юридический журнал. 2016. №4.
5. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М.: БЕК, 2004.
6. Усков В. Как компенсировать моральный вред богатому и бедному? // Российская юстиция. – 2000. – № 12.
7. Гаврилов Э.П. Как определить размер компенсации морального вреда? // Рос.юстиция. – 2000. – № 6.
8. Гражданское право. Практикум / Никонович С.Л., Садков А.Н., Ломакин С.С. и др.: учебное пособие. Тамбов, 2014. 482 с.
9. Абрамов В.А., Никонович С.Л. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебное пособие. Тамбов-Липецк, 2010.

Compensation for moral damage, caused by the crime in criminal proceedings

Baturina N.I.

Volgograd Academy of the Russian interior Ministry head of the Department
The article presents the main theses that characterize the problematic issues arising in practice, in determining the amount of money paid by the court to victims of criminal acts. It is offered to expand the list of crimes for which Commission the victim will have an opportunity to bring the civil claim regarding not only about compensation of property harm, but also about compensation of moral harm.

Keywords: compensation for moral damage, property crimes, methods of determination, moral and physical suffering.

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended) // SPS Consultant Plus.
2. Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 1994 No. 10 // Consultant Plus SPS.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended) // SPS "Consultant Plus"
4. Tarasevich K.A. On some issues of determining the amount of compensation for moral damage // Leningradsky juridical journal. 2016. No. 4.
5. Erdelevsky A.M. Compensation for moral damage: analysis and commentary on legislation and judicial practice. – М.: БЕК, 2004.
6. Uskov V. How to compensate the moral damage to the rich and the poor? // Russian justice. - 2000. - No. 12.
7. Gavrilov E.P. How to determine the amount of compensation for non-pecuniary damage? // Russian Justice. - 2000. - No. 6.
8. Civil law. Workshop / Nikonovich S.L., Sadkov A.N., Lomakin S.S. and others: textbook. Tambov, 2014. 482 p.
9. Abramov V.A., Nikonovich S.L. Criminal procedure law (Criminal process): study guide. Tambov-Lipetsk, 2010.

Использование конструкции юридического лица в противоправных целях: проблемы гражданского и уголовного права

Батрова Татьяна Александровна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

вопрос использования конструкции юридического лица в противоправной деятельности недостаточно изучен, вследствие чего можно наблюдать смысловые и логические коллизии между уголовным и гражданским законодательством, которые требуют разрешения. При этом вряд ли стоит усиливать в этом соотношении уголовно-правовую составляющую посредством введения уголовной ответственности юридических лиц, которая теряет смысл при рассмотрении их сущности с позиции теории фикции. Акцент, очевидно необходимо сделать на предупреждении возможных злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданского оборота, чему в немалой степени способствует деятельность налоговых органов, обеспечивающих все большую прозрачность корпоративных структур.

Ключевые слова: юридическое лицо, уголовная ответственность, уголовное право, гражданское право, противоправная деятельность

Различного рода объединения лиц и капиталов были известны еще в Древнем мире, хотя первые попытки определения их сущности были предприняты лишь в Средневековье. С тех пор этот вопрос стал возникать в науке с завидным постоянством, демонстрируя различные доктринальные подходы к решению данной проблемы, которая стала приобретать общеправовое значение, затрагивая и вопросы уголовной ответственности, поскольку юридические лица стали все чаще вовлекаться в орбиту преступных интересов. Более того, конструкция юридического лица и реализуемые в рамках нее корпоративные процедуры все чаще стали использоваться в противоправных целях, давая основания говорить о возврате к теории фикции, а в практическом плане к использованию во многом связанной с ней доктрины прокалывания корпоративной вуали¹.

Свою озабоченность в этом вопросе проявил ряд международных организаций. Еще в 2000 ОБСЕ поставило задачу разработки механизмов, обеспечивающих предупреждение использования корпоративных процедур в противоправных целях. ФАТФ отметила роль корпоративных процедур в схемах отмывания денег. ОЗРС обратила внимание на то, что это наряду с использованием оффшорных юрисдикций может негативно сказаться на финансовых рынках, поскольку позволяет обойти устанавливаемые в различных странах ограничения, не говоря уже о создании препятствий для антикоррупционных расследований. Распространение практики использования конструкции юридического лица в организованной преступной деятельности, особенно финансовых и хозяйственных преступлениях отмечает и Европейская комиссия.

Все это требует понимания того, как юридические лица и реализуемые в них корпоративные процедуры могут быть использованы в противоправных целях, а также выявления и

¹ См.: Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия

корпоративной вуали» // Российский юридический журнал. 2018. N 1. С. 101 – 107.

анализа факторов, ограничивающих возможности своевременного получения правоохранительными органами информации, необходимой для предупреждения и пресечения подобной практики.

Анализ судебной практики и практики оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК показывает, что совершение некоторых видов преступлений практически невозможно без использования для этой цели юридических лиц. Так, совершение сделок между зависимыми лицами было отмечено в 16 % дел, возбужденных по факту совершения преступлений в кредитно-финансовой сфере. В 12,5 % случаев для этого использовались фирмы-однодневки. В целом же преимущества конструкции юридического лица могут быть связаны с такими видами деятельности, как отмывание денег, коррупция, сокрытие и защита активов от кредиторов и других лиц, имеющих основания для истребования имущества, начиная с супругов и наследников и заканчивая налоговыми органами.

Ситуация в значительной мере осложняется предоставляемой действующим законодательством возможностью создавать неограниченное число юридических лиц, менять их юридические адреса, открывать в разных местах филиалы организаций, переводя в них, в зависимости от ситуации, свою основную производственную деятельность. Между тем систематическая смена места осуществления незаконной деятельности нередко является одним из способов ее конспирации².

Очевидно, что признание правосубъектности корпораций изначально преследовало цель защиты имущественных интересов предпринимателей, одновременно создавая предпосылки для сокрытия личности истинных владельцев числящихся на них активов.

Наиболее уязвимыми с рассматриваемой точки зрения организационно-правовыми формами юридического лица являются общества с ограниченной ответственностью ввиду простоты их учреждения в том числе в виде компании одного лица. Их создание позволяет учредителям и участникам, принимая решения о совершении сделок, дистанцироваться от возникающих вследствие этого обязательств. Положения ст. 53.1 ГК РФ, устанавливающей ответственность лица, уполномоченного выступать от имени организации, членов ее коллегиальных органов и лиц, определяющих действия юридического лица, а также главы III.2

Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"³, предусматривающей механизм привлечения к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, проблем, возникающих в случае злоупотреблений с их стороны, не решают.

Несколько сложнее использовать для этих целей акционерные общества, учитывая необходимость дополнительного решения вопросов о выпуске и размещении акций. При этом в ряде случаев подобная форма существования уставного капитала дает существенные преимущества, позволяя достаточно оперативно решать вопрос о передаче контроля над корпорацией тем или иным лицам. К тому же для АО характерно сохранение принципа ограниченной ответственности учредителей и участников.

Это обстоятельство, создающее предпосылки для злоупотреблений и нарушения прав и законных интересов участников гражданского оборота, еще в конце XIX века обусловило формирование в зарубежной юриспруденции доктрины прокалывания корпоративной вуали», начало чему положило дело *Salomon v A Salomon & Co Ltd*.

Однако в противоправных целях могут использоваться и иные организационно-правовые формы юридических лиц. В частности, распространение получило построение финансовых пирамид с использованием конструкции кредитного потребительского кооператива. Так, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что в течение года председатель правления КПК, зарегистрированного в г. Липецке, но фактически находящегося в г. Воронеже, похитил денежные средства в размере более 36 млн руб., принадлежащие 60 гражданам Воронежской области, путем их обмана и злоупотребления доверием под предлогом привлечения займов с высокой доходностью.

Отдельную проблему может представлять процесс волеизъявления юридического лица, поскольку на практике лицо, уполномоченное действовать от имени организации без доверенности, фактически не принимает никаких решений ввиду установления контроля со стороны иных субъектов. УК РФ в этом случае говорит о подставных лицах, понимая под ними помимо прочего, лиц, которые являются органами управления юридического лица при от-

² См.: Приговор октябрьского районного суда г. Рязани № 1-282/2017 от 21 декабря 2017 г. по делу № 1-282/2017 <http://sudact.ru/regular/doc/7nMzLnP3IPlv/>

³ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

сутствии цели управления организацией. Анализ практики оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК показывает, что оформление организаций на подставных лиц в подавляющем большинстве случаев используется для осуществления незаконной банковской деятельности. В частности, в 2019 году организованной преступной группой на территории Астраханской, Московской, Волгоградской областей, Республики Чечня осуществлялась преступная деятельность по регистрации обществ с ограниченной ответственностью на подставных лиц из числа жителей этих регионов, как правило находящихся в тяжелом материальном положении. На вновь создаваемые организации открывались расчетные счета в банках г. Астрахани, г. Волгограда, через которые осуществлялись переводы денежных средств со счетов различных организаций. Зарегистрированные фирмы использовались членами ОПГ в целях последующего «транзита» и «обналичивания» денежных средств сторонних организаций. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий получены установочные данные более 70 юридических лиц, используемых членами ОПГ в преступных схемах. Теневой оборот средств по банковским счетам данных фирм за 2018 г. по предварительным оценкам составляет более 2 миллиардов рублей. Наряду с этим имеет место практика их создания для обхода ограничений на занятие предпринимательской деятельностью государственных и муниципальных служащих.

При этом нельзя не отметить, что законодатель в данном случае не оперирует довольно распространенными категориями номинального и фактического директора, которые, в частности, применяются Верховным Судом РФ для решения вопроса об ответственности указанных лиц по обязательствам несостоятельного должника. Не ставя вопрос об уголовной ответственности первых, он приходит к выводу о том, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление (далее – номинальный руководитель), например, полностью передоверивший управление другому

лицу на основании доверенности либо принявший ключевые решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий (фактического руководителя), не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом (п. 3 ст. 53 ГК РФ)⁴. Соответственно арбитражным судам лишь рекомендуется включить вопрос установления реального бенефициара бизнеса, который осуществлял фактическое руководство должников в период полномочий номинального директора, а также установление оснований (либо их отсутствия) для привлечения указанного реального бенефициара к субсидиарной ответственности⁵.

При этом степень вовлеченности в процесс управления нигде не определена и фактически относится на усмотрение правоприменителя. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа не согласился с признанием К. номинальным руководителем общества, которое с 2012 года не осуществляло какой-либо деятельности, отметив, что в 2016 году К. лично участвовал в рассмотрении спора судом общей юрисдикции, таким образом, как руководитель должника знал о наличии неисполненных обязательств, однако не предпринял каких-либо разумных мер по устранению признаков неплатежеспособности должника⁶.

Следует отметить, что ценность положений УК РФ в части пресечения практики использования подставных лиц снижается с введением подп. "ф" п. 1 ст. 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей"⁷, который, как справедливо отмечает М.П. Случак, положил начало прекращению деятельности номинальных директоров, определив круг лиц, которые не мо-

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве". Пункт 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.01.2019 N Ф09-4825/17 по делу N А60-40625/2015

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.06.2019 N Ф07-5259/2019 по делу N А56-67266/2017

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2001. N 33 (часть I). Ст. 3431.

гут выступать в качестве учредителя либо руководителя юридического лица⁸. Конституционный Суд РФ назвал установленный данной нормой временный запрет на создание новых юридических лиц и на участие в управлении существующими юридическими лицами для тех граждан, которые ранее проявили недобросовестность, уклонившись от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства, что может также означать уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами юридического лица, одним из механизмов обеспечения достоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, направленным на обеспечение доверия к содержащимся в нем сведениям, защиту прав третьих лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены при использовании недостоверных данных⁹.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что вопрос использования конструкции юридического лица в противоправной деятельности недостаточно изучен, вследствие чего можно наблюдать смысловые и логические коллизии между уголовным и гражданским законодательством, которые требуют разрешения. При этом вряд ли стоит усиливать в этом соотношении уголовно-правовую составляющую посредством введения уголовной ответственности юридических лиц, которая теряет смысл при рассмотрении их сущности с позиции теории фикции. Акцент, очевидно необходимо сделать на предупреждении возможных злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданского оборота, чему в немалой степени способствует деятельность налоговых органов, обеспечивающих все большую прозрачность корпоративных структур.

Литература

1. Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали» // Российский юридический журнал. 2018. N 1. С. 101 – 107.

2. Случак М.П. Проблемы обеспечения достоверности сведений в документах, представляемых для государственной регистрации коммерческого корпоративного юридического лица // Право и экономика. 2019. N 7. С. 49 – 55.

3. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: В 12-ти т. – Т. V. Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 392 с.

Using the structure of a legal entity for illegal purposes: problems of civil and criminal law

Batrova T.A.

RPA of the Ministry of Justice of Russia

the issue of using the construction of a legal entity in illegal activities has not been sufficiently studied, as a result of which one can observe semantic and logical conflicts between criminal and civil legislation that require resolution. At the same time, it is hardly worth strengthening the criminal-legal component in this ratio by introducing the criminal liability of legal entities, which loses its meaning when considering their essence from the standpoint of the theory of fiction. The emphasis, obviously, needs to be made on the prevention of possible abuses by unscrupulous participants in civil transactions, which is largely facilitated by the activities of the tax authorities, which ensure the increasing transparency of corporate structures.

Keywords: legal entity, criminal liability, criminal law, civil law, illegal activity

References

1. Artemova A.N. The Fictitious Essence of a Legal Entity as a Basis for Applying the "Removing the Corporate Veil" Doctrine // Russian Journal of Law. 2018. N 1. S. 101 - 107.
2. Sluchak M.P. Problems of Ensuring the Reliability of Information in Documents Submitted for State Registration of a Commercial Corporate Legal Entity // Law and Economics. 2019. N 7. S. 49 - 55.
3. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: In 12 volumes - T.V. Civil law of Russia: monograph / ed. A.A. Demicheva, R.L. Khachaturov. – M.: YurLitinform, 2021. – 392 p.

⁸ См.: Случак М.П. Проблемы обеспечения достоверности сведений в документах, представляемых для государственной регистрации коммерческого корпоративного юридического лица // Право и экономика. 2019. N 7. С. 49 – 55.

⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 N 580-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Митина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом "ф" пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей"

Криминалистические особенности стадии возбуждения уголовного дела по ятрогенным преступлениям

Петров В.В.

кандидат медицинских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются некоторые криминалистические аспекты стадии возбуждения уголовного дела при получении сведений о совершении ятрогенных преступлений. Затрагиваются вопросы о видах проверочных действий, необходимых в процессе проверки сообщений о преступлениях указанного вида.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, расследование ятрогенных преступлений, криминалистические аспекты проверки сообщений о ятрогенных преступлениях

Некоторые из видов преступных посягательств на жизнь или здоровье человека, осуществляемых медицинскими работниками, впервые были обозначены В.Д. Пристансковым в 1996 году термином ятрогенные преступления [1, с. 179 – 180]. Данный автор определил их как разновидность преступных посягательств на жизнь или здоровье человека, совершаемых медиками вследствие ненадлежащего оказания или неоказания медицинской помощи гражданам. [2, с. 7].

В настоящее время ятрогенные преступления встречаются довольно часто и представляют собой значительную проблему для правоохранительных органов. Так, например, в 2016 году в Следственный комитет поступило почти 5 тыс. сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи. В 2017 году – более 6 тысяч. В результате в 2016 году было возбуждено 878 уголовных дел против врачей, а в 2017 году таких дел было возбуждено уже 1791. [3, с. 20]. Кроме того, ятрогенные преступления обладают свойством повышенной значимости для населения, о чем справедливо пишет Е.В. Епифанова, делая вывод: "В силу большой общественной опасности с преступлениями в сфере здравоохранения нельзя не бороться." [4, с. 48].

Расследование любого из видов преступлений начинается с поступления в правоохранительные органы одного из поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, на базе которого начинается сбор данных, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела. Данное положение в полном мере относится и к стадии возбуждения уголовного дела по ятрогенным преступлениям.

Так, доктор юридических наук, профессор А.И. Бастрыкин особо отмечает в числе поводов к возбуждению дела заявления и жалобы граждан или учреждений. Если при этом в поводах не содержится очевидных признаков преступления, то может быть проведена предварительная проверка, которая, как правило, заключается в истребовании документов, уточнении отдельных фактов, получении объясне-

ний, ознакомлении с деятельностью предприятия или учреждения. [См.: 5, с. 696]. Указанное положение имеет особое значение на стадии возбуждения по делам о ятрогенных преступлениях. Ведь чаще всего факт совершения ятрогенного преступления проявляется именно в жалобах либо пострадавшего, либо его родственников, что и влечет необходимость осуществления проверки. При начале проверочных действий по заявлениям о преступных действиях врачей можно выделить следующие ситуации. 1. В заявлениях или жалобах граждан имеются сведения, которые с очень большой вероятностью указывают на факт совершения ятрогенного преступления. 2. В заявлениях или жалобах имеются сведения, которые могут указывать на противоправность действий врача. Но дать им однозначную оценку как преступным и именно ятрогенным без различных проверочных действий не представляется возможным. 3. Приводимые в заявлении или жалобе сведения таковы, что их в принципе возможно проверить только путем производства судебно-медицинской экспертизы и никакими иными проверочными действиями.

Следует отметить, что ятрогенные преступления часто отличаются сложностью в плане определения направлений сбора первоначальных сведений при осуществлении проверочных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Значительные затруднения для следователя часто представляет уяснение информации первичной чисто медицинского характера. Это вытекает из указанного обстоятельства, необходимость которого отмечает В.Д. Пристансков: "Криминалистическому анализу подвергается информация, содержащаяся в медицинских документах, его цель – установить объем МП [медицинской помощи – В. Петров] и ее адекватность состоянию пациента." [6, с. 606]. Заметим, что изучение такого рода информации уже с самого начала проверочных действий лучше всего производить совместно со специалистом в области соответствующих разделов медицинской науки.

Для того, чтобы яснее представить криминалистические аспекты проблемы, необходимо учитывать задачи уголовного процесса, решаемые на рассматриваемом этапе. Например, Г.Н. Ветрова так пишет о задачах доследственной проверки: "Задачи первоначального этапа процессуальной деятельности, каким является стадия возбуждения уголовного дела, не предполагают достоверного установления всех обстоятельств совершения преступле-

ния. Отсюда и необходимые ограничения допускаемых следственных действий." [7, с. 123]. Здесь можно видеть, что возникает некая странность. С одной стороны для принятия решения о возбуждении уголовного дела требуется хоть какая-то, пусть и относительная, но все же значительная степень достоверности сведений. А возможности для сбора таких сведений и проверки их достоверности законодатель применительно к этой стадии процесса резко ограничил. Поэтому напрашивается вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела возникают затруднения, имеющие не только уголовно-процессуальный, но и явный криминалистический характер.

Несомненное криминалистическое значение имеет и увеличение общего количества преступлений в нашей стране по сравнению с ранее существовавшими цифрами. Так, А.И. Александров указывает на гигантский скачок регистрируемой преступности в РФ, который произошел по сравнению с СССР 1950 – 1960-х годов и приводит несколько причин этого явления [8, с. 152 – 159]. Одновременно при этом обращается внимание на то обстоятельство, что количество совершаемых преступлений значительно превышает количество зарегистрированных: "В 2005 г. количество зарегистрированных преступлений в нашей стране составило более 3,5 млн. (а это, как мы помним, почти в семь раз больше, чем в 1956 г. в целом по СССР). ... Реально же, по оценкам криминологов, в современной России ежегодно совершается порядка 10 – 12 млн. преступлений." [8, с. 160 – 161]. Очевидно, что это отмеченное А.И. Александровым соотношение между зарегистрированными и реально совершенными преступлениями в полной мере относится и к ятрогенным преступлениям, о чем уже говорилось выше.

Ю.Ф. Ибатулина отмечает, что ""Теневой" медицинский бизнес и медицинские преступления являются интернациональной бедой ... в правоприменительной практике последних лет все чаще возникают уголовные и гражданские процессы против "человека в белом" и организаций здравоохранения ..." [9, с. 132]. Данное положение сочетается с другим, высказанным этим же автором. В нем Ю.Ф. Ибатулина утверждает об огромных масштабах распространения ятрогенных преступлений. "Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи сегодня сверхактуальна и в то же время на сегодняшний день недостаточно изучена с точки зрения клинических, экспертных и правовых позиций. Вместе с тем отдельные научные исследования, проведенные за рубежом и в

нашей стране, выявили не просто высокий уровень распространенности этого негативного явления, а ... настоящую "молчаливую эпидемию". [9, с. 132].

При проверке сообщений о преступлениях необходимо помнить о следующих важных свойствах такого часто используемого инструмента, как объяснения лиц. "... сведения, содержащиеся в объяснениях, в настоящий момент нельзя использовать для обоснования принимаемых процессуальных решений. Мы также высказываемся против признания объяснений иными документами по уголовному делу, так как сведения, зафиксированные в них, имеют характер показаний и должны обладать соответствующим статусом, только после чего их возможно использовать в качестве доказательств." [10, с. 15]. В целом можно согласиться с позицией этих авторов. Но с одной серьезной оговоркой. Ведь достаточно часто именно на основе сведений, содержащихся в объяснениях, принимается важное процессуальное решение в виде возбуждения уголовного дела. Поэтому нельзя исключать использование объяснений как основание для принятия процессуальных решений. А при осуществлении проверки сообщений о совершении ятрогенных преступлений целесообразно отдавать предпочтение таким способам проверочных действий, результаты которых в дальнейшем будут иметь процессуально значимый характер. Поэтому такие результаты можно будет использовать в качестве доказательств по возбужденному уголовному делу. Следовательно, на стадии возбуждения уголовного дела, методы проверки, сразу дающие доказательства, в дальнейшем на стадии предварительного расследования сократят затраты труда и времени следователя. А данное обстоятельство имеет первостепенное криминалистическое значение, в том числе, при расследовании ятрогенных преступлений.

Необходимо понимать, что деятельность по проверке сообщений о совершенных преступлениях, в том числе, ятрогенных, на стадии возбуждения уголовного дела носит уголовно-процессуальный характер. Приведенное положение вполне убедительно доказывается следующими обстоятельствами. 1. Эта деятельность осуществляется только должностными лицами, имеющими право принимать решения, носящие уголовно-процессуальный характер. 2. Данный вид деятельности в конечном итоге направлен на принятие решений, носящих уголовно-процессуальный характер. 3. Условия, при которых только и может начи-

наться проверочная деятельность, сформулированы в УПК РФ как поводы. 4. Ряд способов проверки сообщений о преступлениях прямо предусмотрены УПК РФ как следственные действия. 5. Отсюда, часть или значительное количество результатов деятельности по проверке указанных выше сообщений являются протоколами следственных действий, то есть имеют четко выраженную уголовно-процессуальную форму доказательств. Резюмируя это следует признать, что без использования положений криминалистической науки, нельзя осуществлять действия по проверке информации о совершении ятрогенных преступлений.

Следует согласиться с мнением В.А. Джемелинского и А.И. Натуры, которые подвергают обоснованной критике и считают ошибочными положения о том, что "рекомендации по рассмотрению первичных материалов и возбуждению уголовного дела должны относиться к науке уголовного процесса, а не к методике расследования и не к криминалистике вообще". [11, с. 86]. В своей работе указанные авторы приходят к принципиально важному выводу: "Подчеркивая уголовно-процессуальное значение проверочных действий, необходимо отметить и то, что они, по нашему мнению, носят также и криминалистический характер, поскольку направлены на исследование и оценку полученной информации о преступлении ..." [11, с. 85 – 86].

Следует понимать, что дела о ятрогенных преступлениях отличаются выраженными затруднениями в сборе достоверной доказательственной информации и, соответственно, большой сложностью доказывания события преступления. А это обстоятельство, в свою очередь, влечет за собой и серьезные проблемы для этапа возбуждения уголовного дела данной категории.

А.И. Дикунев и В.Я. Колдин придают особое значение при расследовании преступлений как живым людям, так и целым трупам, либо фрагментам последних, именно с точки зрения содержания в них необходимой для расследования информации. "Особыми источниками вещественной информации являются живые лица, трупы и их части. В случаях, когда для решения задач розыска, диагностики, идентификации существенное значение имеют предметные свойства живых лиц и трупов, на них распространяется статус вещественных источников информации и правила их осмотра, фиксации, исследования." [12, с. 7 – 8]. Необходимо подчеркнуть, что живые люди, трупы и части трупов как носители информации имеют особо важное значение при расследовании

ятрогенных преступлений, в том числе, на этапе возбуждения уголовного дела.

Совершенно очевидным для всех сотрудников следственных органов и очень важным составляющим их криминалистической деятельности в процессе доследственной проверки по делам о совершении ятрогенных преступлений является обнаружение идеальных следов. Данный вид следов обнаруживается в процессе получения объяснений от лиц, привлекаемых к проверочным действиям. При этом необходимо отметить следующее обстоятельство, важность которого проявляется уже с самого начала действий по проверке сообщения о преступлении. "Особой проблемой является определение истинности и ложности идеальных следов." [13, с. 487]. Здесь необходимо заметить, что трудность проверки сообщений о ятрогенных преступлениях заключается в следующем обстоятельстве. Многие осведомленные лица из числа врачей будут давать неискренние объяснения, то есть, ложные идеальные следы. В подобных случаях, даже предполагая ложность идеальных следов, многие следователи, исходя из специфики врачебных профессий, не знают, какие именно "недостающие данные" следует истребовать. То есть, можно утверждать, что серьезной проблемой является установление степени достоверности информации, содержащейся в объяснениях любого лица, получаемой в ходе доследственной проверки. Особенно это касается той информации, особенно медицинского плана, которая в дальнейшем послужит основанием для принятия процессуального решения как итога стадии возбуждения уголовного дела.

Р.С. Белкин с позиций опытного криминалиста подробно рассматривает вопрос о следственных ошибках, которые происходят на досудебном этапе уголовно-процессуальной деятельности [14, с. 175 – 186]. Но при этом данный автор ничего не пишет относительно тех ошибок, которые могут быть допущены на этапе доследственной проверки. На наш взгляд, результатами ошибок на этом этапе часто являются необоснованные (с позиции объективно существующей действительности, а не с формально-правовой) отказы в возбуждении уголовного дела. Следует отметить, что высокая латентность ятрогенных преступлений, как представляется, должна обуславливать и большое количество ошибок такого рода именно в виде необоснованных (хотя и формально мотивированных) отказов в возбуждении уголовного дела.

Признаки преступления на стадии возбуждения уголовного дела нередко выявляются

именно непроцессуальными средствами поиска этих признаков. Поэтому, в итоге, результаты такого поиска, полученные непроцессуальными средствами, в дальнейшем не могут использоваться как доказательства по уголовному делу на стадиях предварительного следствия и судебного рассмотрения дела. То есть, на стадии возбуждения уголовного дела процесс доказывания носит фрагментарный характер именно по причине ограниченной возможности использования следственных действий. Ведь на стадии возбуждения уголовного дела законодатель допускает производство не всех перечисленных в УПК РФ видов следственных действий, а только некоторых из них. При этом, с позиций криминалистики, поиск следов любого преступления, в том числе, ятрогенного, следует начинать сразу после получения любого вида сообщения о преступлении и продолжать на протяжении всей стадии возбуждения уголовного дела. И отдавать предпочтение именно тем видам проверочных действий, которые будут представляться наиболее результативными для целей сбора материальных и идеальных следов того вида ятрогенного преступления, совершение которого предполагается.

Согласно заслуживающей внимания точке зрения А. Золоева, большое количество медицинских специальностей и видов медицинских технологии влечет за собой и качественное многообразие видов ятрогении. Это обстоятельство усложняет проведение проверочных мероприятий. В то же время существующие общие закономерности в виде критериев и признаков ятрогении, а также специфических особенностей самой медицинской деятельности позволяют определить базовый алгоритм действий работника правоохранительных органов при проведении проверки по установлению ятрогении. [15, с. 25]. Иными словами, речь в данном случае идет о выработке именно криминалистических алгоритмов проверочных действий.

По нашему мнению, в ходе проверки сообщения о совершении ятрогенного преступления, разумеется, следует вести поиск информации о любых дефектах медицинской помощи. Но, при этом, наибольшее значение в первую очередь следует уделять тем дефектам медицинской помощи, сведения о которых будут явно достаточными для возбуждения уголовного дела. Информацию об остальных же, менее явных, дефектах медицинской помощи следует проверять уже после возбуждения уголовного дела, в процессе предварительного следствия.

Ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает. "... При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. (часть 1 в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ)" Из всех перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ проверочных действий, наиболее целесообразными по делам о ятрогенных преступлениях будут: получение объяснений, истребование документов и изъятие их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначение судебно-медицинских экспертиз с получением заключения эксперта в разумный срок, производство осмотров документов, предметов, трупов, освидетельствований. В ряде случаев также будет необходимым требовать производства исследований документов с привлечением к участию в этих действиях специалистов.

Литература

1. Пристансков В.Д. Проблемы выявления неосторожных преступлений в медицине. // Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях. Международная научно-практическая конференция 5 – 6 июля 1996 г.: Тезисы выступлений. – СПб., 1996. – С. 179 – 180.

2. Пристансков В.Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Монография. – СПб., 2007. – 358 с.

3. Грацинская Ирина. Врачей предлагают судить за ошибки. Медбрак // Наша версия. № 29 (654). 30.07 – 05.08.2018. С. 20 – 20.

4. Епифанова Е.В. Общественная опасность преступлений в здравоохранении / В сб.: Медицина и право. Т. 3 / Под общ. ред. И.М. Акулина. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. – 268 с. – С. 45 – 48.

5. Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. – М.: Дело, 2001. – 800 с.

6. Криминалистика: учебник / коллектив авторов; под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанскова. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. – 712 с.

7. Ветрова Г.Н. Возбуждение уголовного дела в аспекте содержания уголовно-процессуальных функций обвинения и защиты / В кн.: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28 – 29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: Издательство "Юридический центр", 2015. – 582 с. – С. 120 – 127.

8. Александров А.И. Философия зла и философия преступности. Вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. – 598 с.

9. Ибатулина Ю.Ф. Разграничение врачебной ошибки и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1(13). С. 132–135.

10. Гайдышева М. Г., Воскобойник И.О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2(32). С. 14 – 18.

11. Джемелинский В. А., Натура А.И. Первоначальный этап расследования надругательства над телами умерших и местами их захоронений. Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. А.И. Натура. – М.: Издательство "Юрлитинформ", 2006. – 160 с.

12. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / Под общ. ред. д. ю. н., проф. В.Я. Колдина. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 768 с.

13. Петров В.В. Классификация идеальных следов в криминалистике / В кн.: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: Издательство "Юридический центр", 2015. – 582 с. – С. 486 – 492.

14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2001. – 240 с.

15. Золоев А. Алгоритм проверочных мероприятий по установлению ятрогении // Законность. 2009. № 5. С. 25 – 28.

Criminalistic features of the stage of initiation of a criminal case on iatrogenic crimes

Petrov V.V.

St. Petersburg State University

The article deals with some criminalistic aspects of the stage of initiation of a criminal case when obtaining information about the commission of iatrogenic crimes. Questions are raised about the types of verification actions required in the process of verifying reports of crimes of this type.

Keywords: atrogenic crimes, investigation of iatrogenic crimes, forensic aspects of checking reports of iatrogenic crimes

References

1. Pristanskov V.D. Problems of detection of careless crimes in medicine. // Problems of prosecutorial and investigative activities in the field of combating crime in modern conditions. International scientific-practical conference July 5 - 6, 1996: Abstracts of speeches. - St. Petersburg, 1996. - S. 179 - 180.
2. Pristanskov V.D. Forensic theory of investigation of iatrogenic crimes committed in the provision of medical care. Monograph. - St. Petersburg, 2007. - 358 p.
3. Gratsinskaya Irina. Doctors are offered to be judged for mistakes. Medbrak // Our version. No. 29 (654). 07/30 - 08/05/2018. pp. 20 - 20.
4. Epifanova E.V. Public danger of crimes in health care / In collection: Medicine and law. T. 3 / Under the general. ed. THEM. Akulina. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2012. - 268 p. - S. 45 - 48.
5. Criminalistics: Textbook / Ed. I.F. Krylova, A.I. Bastrykin. – М.: Delo, 2001. – 800 p.
6. Criminologist: textbook / team of authors; ed. T.A. Sedova, S.P. Kushnirenko, V.D. Pristanskov. - Moscow: JUSTICE, 2019. - 712 p.
7. Vetrova G.N. Initiation of a criminal case in the aspect of the content of the criminal procedural functions of the prosecution and defense / In the book: Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and the present: Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev (St. Petersburg, June 28 - 29, 2014) / Ed. N.G. Steadfastly. - St. Petersburg: Publishing house "Legal Center", 2015. - 582 p. - S. 120 - 127.
8. Aleksandrov A.I. The philosophy of evil and the philosophy of crime. Questions of philosophy of law, criminal policy and criminal process. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2013. - 598 p.
9. Ibatulina Yu.F. Differentiation of medical error and improper performance of professional duties by medical workers // Actual problems of economics and law. 2010. No. 1(13). pp. 132–135.
10. Gaydysheva M. G., Voskoboinik I. O. Actual problems of implementation of some new provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2(32). pp. 14 - 18.
11. Dzhemelinsky V.A., Natura A.I. The initial stage of the investigation of abuse of the bodies of the dead and their burial places. Educational and practical guide / Under the general. ed. A.I. Nature. - М.: Publishing house "YurLitinform", 2006. - 160 p.
12. Material evidence: Information technology of procedural evidence / Ed. ed. d. y. n., prof. V.Ya. Koldin. - М.: Publishing house NORMA, 2002. - 768 p.
13. Petrov V.V. Classification of ideal traces in forensics / In the book: Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev (St. Petersburg, June 28–29, 2014) / Ed. N.G. Steadfastly. - St. Petersburg: Publishing house "Legal Center", 2015. - 582 p. - S. 486 - 492.
14. Belkin R.S. Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminalistics. - М.: Publishing house NORMA (Publishing group NORMA - INFRA-M), 2001. - 240 p.
15. Zoloev A. Algorithm for verification measures to establish iatrogeny // Legitimacy. 2009. No. 5. S. 25 - 28.

Особенности установления мотива и цели по делам о преступлениях экстремистской направленности

Пристансков В.Д.

кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Елагина Е.В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ

В статье рассматриваются проблемные вопросы подготовки и назначения судебных экспертиз по исследованию мотивации преступной деятельности экстремистской направленности и оценки выводов экспертов. Внимание уделено недостаткам судебных экспертиз гуманитарного характера, что создает сложности при оценке полноты и всесторонности проведенного исследования и объективности процесса формирования судебных доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: Мотивы, цели преступлений экстремистской направленности, судебные экспертизы гуманитарного характера, оценка выводов заключения эксперта, выявление и устранение экспертной ошибки.

При исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности (ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) основной целью является установление наличия в действиях субъекта направленности на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо группе меньшинств и т.д. Для достижения указанной цели требуется решение конкретных криминалистических задач путем проведения ряда судебных экспертиз гуманитарного характера, для методики их проведения характерно, во-первых, соотнесение нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального и т.д., и, во-вторых, использование таких методов, как контент- [4] и интент-анализ [5], метод семантического дифференциала и информационно-целевой анализ, логический и психологический анализ и т.д.

Указанные экспертизы имеют комплексный и междисциплинарный характер, для их производства должны привлекаться, помимо лингвистов, специалисты соответствующей области специальных знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.) [1].

Как правило, с целью установления экстремистского мотива назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (СППЭ), что позволяет получить более обоснованные и убедительные выводы экспертов об особенностях психической деятельности преступников. Исследования, проводимые экспертом-психологом, направлены на установление: индивидуальных особенностей личности субъекта; мотивов и целей его поведения; склонностей к агрессивным и насильственным действиям в отношении представителей других рас, национальностей, религиозных течений и др.

М.Л. Подкатилина, анализируя правоприменительную и экспертную практику, указывает

более 20 видов таких экспертиз: лингвистическая, социогуманитарная, психолого-лингвистическая, этико-лингвистическая, политическая, семиосоциопсихологическая экспертизы и др. [15, с. 21]. Данные экспертизы, как правило, имеют комплексный и междисциплинарный характер, поскольку при их производстве интегративно соотносятся психологические, лингвистические, этические, культурологические, религиоведческие, теологические, политические, философские, антропологические и другие гуманитарные знания [1].

Непосредственным объектом экспертного исследования являются слова, отдельные высказывания, тексты, изображения, имеющие помимо смыслового, также и определенный ассоциативный и эмотивный компоненты, когда они выступают как раздражитель, способный вызвать определенную поведенческую реакцию. Поэтому абсолютно обоснован вывод Т.В. Губаевой о том, что по делам об экстремизме не мысли являются наказуемыми, а «с учетом знаковой природы слова последствия речевых действий закономерно приравниваются к последствиям действий фактических» [3].

Выводы экспертов являются едва ли не основным источником получения криминалистически значимой информации, позволяющей установить экстремистскую мотивацию совершения определенных действий, что делает заключения указанных экспертиз важным звеном в системе собранных по делу доказательств.

По материалам дел о возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) важно определить направленность текстов, для чего проводится социально-психологическая экспертиза, позволяющая конкретизировать цель совершения криминального события, что является обязательным элементом субъективной стороны состава преступления.

В отдельных случаях требуется проведение экспертиз социо-гуманитарного класса, цель которых – разграничить результаты научных исследований и высказывания экстремистского характера, как не имеющие фактического подтверждения и научного обоснования. Важной задачей является установление связи между воззрением и поведением подозреваемого и общественными ценностями. В основе классификация таких экспертиз лежит область знаний конкретных наук, поэтому для их проведения привлекаются в качестве экспертов социологи, историки, этнографы, этносоциологи, психологи и другие сведущие лица, имеющие гуманитарные знания.

Принимая во внимание, что одним из важных побудительных факторов современного экстремизма в большинстве своих проявлений – это религиозно мотивированное поведение его организаторов и исполнителей, религиоведческая экспертиза имеет большое значение для формирования судебных доказательств по уголовным делам. Эксперт-религиовед, проанализировав вероучение, должен обосновать наличие в нем положений, побудивших к осуществлению противоправных экстремистских действий с целью разжигания межнациональной и межрелигиозной розни.

Однако, несмотря на значимость религиоведческой экспертизы для правоприменительной практики, следует отметить ряд серьезных проблем, возникающих при ее назначении, проведении и оценки объективности исследования и обоснованности выводов экспертов. Прежде всего, это недостаточное теоретическое осмысление ее природы. Как отмечает С.А. Бурьянов: «Главный парадокс заключается в том, что единого правового и даже религиоведческого определения религии нет (их более 200)» [7, с. 58–60]. Это позволяет экспертам делать выводы в соответствии с собственными представлениями о религии, и таким образом содержание экспертного заключения во многом будет зависеть от их персонального состава. Также следует отметить отсутствие достаточного научного обоснования специальных методов проведения такой экспертизы и их апробации на практике, а также определения пределов применения специальных знаний принимая во внимание современное состояние российского религиоведения как науки [16, с. 19].

Часто для полноценного компетентного решения криминалистических задач по установлению обстоятельств события преступления экстремистской направленности целесообразно привлекать не только религиоведов, но и специалистов в области психологии, психологии религии, этнологии. Для этого проводятся комплексные *психолого-религиоведческие, психолого-этнологические экспертизы*. Такой подход обеспечивает всестороннее и полное экспертное исследование собранных по делу экстремистских материалов и гарантирует обоснованное принятие процессуальных решений и объективное формирование доказательственной базы.

В качестве недостатка судебных экспертиз гуманитарного характера многие авторы отмечают тот факт, что они не имеют надежных методик исследования, что создает большие сложности для оценки их объективности при

формировании судебных доказательств по уголовным делам. Данное обстоятельство порождает проблему экспертной ошибки, понятие которой Г.Л. Грановский определяет как «... выводы эксперта (основные и промежуточные), не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования – в представлениях, суждениях, понятиях» [9, с. 2]. Р.С. Белкин, объясняя причину возникновения экспертной ошибки, указывал, что она «... может быть допущена при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертного исследования, отношений между ними, а также и при оценке результатов содержательного познания, итогов экспертного исследования, их интерпретации» [6, с. 338].

При выявлении экспертной ошибки заключение судебной экспертизы, подтверждающей экстремистский мотив, признается недопустимым доказательством и тем исключается факт преступного экстремизма. В противном случае экспертная ошибка со всей неизбежностью порождает необоснованность обвинения и незаконность судебного обвинительного приговора.

Выводы судебных экспертов должны быть обоснованы результатами полного, объективного и непосредственно ими проведенного исследования и сформулированы с соблюдением законов логики. Логические дефекты, порожденные нарушением законов и правил логики или «некорректным применением логических приемов и операций» [17, с. 322], содержащиеся в изложении выводов экспертов, могут являться основанием для непризнания заключения эксперта доказательством.

Несмотря на то, что заключение эксперта в системе доказательств, собираемых по уголовному делу, обоснованно занимает важное место, поскольку от содержания экспертных выводов зависит законность принимаемых в последующем процессуальных решений, необходимо помнить, что оно является предметом оценки наряду с другими доказательствами. Специфика оценки заключения эксперта состоит в том, что должно быть проверено соблюдение процессуальных норм на всех этапах производства судебной экспертизы: от подготовки материальных объектов до дачи экспертом заключения. Так, С.Э. Воронин справедливо отмечает, что следователи, не подходя ответственно к предоставлению в

полном объеме объектов, требуемых для качественного и объективного экспертного исследования, или не имеющих отношение к делу, или фальсифицированных, тем самым исходно иницируют экспертную проблемную ситуацию – необъективность выводов экспертов [8]. На это указывает и М.В. Песчаный, подчеркивая важность правильного определения объектов экспертных исследований, так как «от этого во многом зависит качество проведенной экспертизы, а значит, перспектива всего расследования» [14, с. 207].

При исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности нередко возникает проблема определения природы требуемых специальных знаний, необходимых для установления самого факта его совершения (чаще всего это касается мотивации криминальной деятельности). Поэтому следователю важно изначально правильно определить область специальных знаний, необходимых для проверки следственных версий относительно мотива и цели преступного деяния, как на стадии предварительной проверки сообщения о нем, так и на стадиях последующего предварительного расследования, поскольку непродуманное и необоснованное решение о привлечении для производства экспертного исследования некомпетентного сведущего лица в качестве эксперта влечет не только финансовые затраты, но и растрату временного ресурса, предусмотренного уголовно-процессуальным законом. Необходимость и значимость¹⁰ установления компетентности сведущего лица, не являющегося государственным экспертом, привлекаемого в качестве эксперта подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» – при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости

его положения должны применяться на всех стадиях уголовного судопроизводства.

¹⁰ Несмотря на то, что и в данном пункте, и в преамбуле постановления в качестве адресата указывается суд анализ полного текста документа позволяет утверждать, что

приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

Считая обязательным использование при расследовании преступлений экстремистской направленности экспертных возможностей, Генеральная прокуратура РФ в указаниях «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» от 21 сентября 2018 г. № 602/27 особо обращает внимание на то, что вопросы, выносимые на разрешение судебной экспертизой, должны быть правильно и обоснованно сформулированы с учетом специфики совершенного события экстремистского характера.

Перед принятием решения о назначении судебной экспертизы целесообразно вначале пообщаться со сведущим лицом для научного консультирования или привлечь его в качестве специалиста для получения заключения, а при необходимости потом и допросить. Заключение специалиста позволяет получить предварительные данные о наличии «в конкретной информации отрицательных и оскорбительных характеристик нации, расы, религии, негативных установок» [14, с. 208]. Проведя предварительную оценку имеющейся информации о событии с точки зрения наличия в ней криминальной составляющей, консультант (специалист) может высказать рекомендации о характере специальных знаний, необходимых для проведения экспертного исследования и поможет профессионально грамотно сформулировать вопросы, выносимые на разрешение экспертизой.

Так Т.В. Губаева отмечает, что при формулировании вопросов экспертам нельзя смешивать вопросы факта и вопросы права, так как вывод об экстремистском характере материалов требует специальных юридических познаний. Вопросы факта – прерогатива эксперта, а вопросы права – исключительная компетенция правоприменителя. Однако «по делам об экстремизме подменить эти понятия особенно легко» [3]. Так как противоправные действия являются речевыми, на разрешение эксперта неправильно ставить вопросы: «содержатся ли в представленной литературе данные, направленные на разжигание религиозной, международной розни; призывы к свержению государственного строя, к незаконным вооруженным действиям, организацию и вовлечение в экстремистскую деятельность»; «имеются ли в содержании книги признаки возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды,

унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства граждан по признаку их отношения к религии». Правильно: «какой тип информации представлен в тексте», «какова содержательно-смысловая направленность текста», «каково идейно-тематическое содержание текста», «содержится ли в тексте негативная информация в отношении определенных социальных групп» [10, с. 303–315].

Привлекая к расследованию лиц, владеющих специальными знаниями, в качестве экспертов не следует полностью полагаться на их компетентность. Кроме того, поскольку для производства, ряда экспертиз, в первую очередь, так называемых, гуманитарных привлекаются в качестве экспертов лица, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, то их компетентность (квалификация) должны быть предметом оценки субъекта иницирующего экспертное исследование [11, с. 206–210]. Представляется, что позиция Пленума Верховного Суда по данному вопросу, выраженная в Постановлении «О судебной экспертизе по уголовным делам» – при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения – в полной мере должна учитываться и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

Заключение эксперта (вне зависимости от вида экспертизы и субъекта, привлекаемого в качестве эксперта) должно соответствовать требованиям ст. 204 УПК РФ. Оценивая допустимость экспертного заключения, субъект оценки, в первую очередь, должен руководствоваться федеральными законами, регулирующими производство судебной экспертизы (УПК РФ, ФЗ–73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и иными), а также отдельными ведомственными нормативными актами. Кроме того, в ходе анализа заключения эксперта важно оценить полноту и всесторонность проведенного исследования, а также обоснованность и

логичность сделанных выводов, которые должны базироваться на результатах исследования и излагаться с соблюдением законов логики.

Результаты обобщения эмпирического материала свидетельствуют о том, что в судебно-следственной практике по делам указанной категории преступлений существует, как справедливо отмечает С.Э. Воронин, серьезная проблема оценки экспертного заключения на предмет его достоверности и истинности [8].

Изучение материалов уголовных дел показывает, что эксперты не всегда дают полноценное и объективное заключение. В связи с этим Генеральная прокуратура РФ указывает на необходимость «тщательным образом изучать заключения специалистов и экспертов, уделяя особое внимание соответствию изложенных в них выводов содержанию исследовательской части и отраженным в постановлении о назначении экспертизы (исследования) вопросам, полноте и всесторонности выводов, наличию в них противоречий, квалификации экспертов (специалистов) и наличию у них полномочий давать оценку изложенным фактам» [2]. Это указание весьма актуально, так как следователи часто при составлении процессуальных документов автоматически копируют выводы экспертов, считая, что нет оснований сомневаться в их компетенции.

Оценка заключения эксперта в обязательном порядке предполагает его сопоставление с другими собранными по делу доказательствами, проверку достоверности объектов исследования и правильности содержащихся в заключении выводов.

Качество и эффективность оценки заключения эксперта обеспечиваются посредством того, что субъектом оценки проверяется следующее:

соблюдение и правильность применения процессуального закона на всех этапах подготовки материалов для исследования, назначения и проведения, а также оформления результатов экспертизы;

компетентность эксперта (в случае проведения комиссионной экспертизы оценивается компетентность каждого члена комиссии);

научная обоснованность заключения, т.е. научная состоятельность тех принципов, которые положены в основу исследований;

соответствие исследовательской части заключения резолютивной (выводам).

Оценка заключения эксперта в научно-фактическом аспекте предполагает последовательное изучение всех частей заключения: первоначально сопоставляются сделанные

выводы и поставленные вопросы (если выводы не корреспондируют вопросам, сформулированным в постановлении о назначении экспертизы, в зависимости от существенности «дефекта» назначается дополнительная или повторная экспертиза); далее оценивается достаточность приведенной в заключении аргументации, а также обусловленность сделанных выводов содержанию исследовательской части; в обязательном порядке оценивается доказательственное значение факта, установленного экспертом – выводы эксперта сопоставляются с установленными обстоятельствами и имеющимися доказательствами; и только на основании такого сопоставления и комплексной оценки всех доказательств принимается конкретное решение по делу.

Обязательными критериями оценки экспертного заключения могут быть названы допустимость, объективность, полнота, научная обоснованность

По результатам оценки заключения эксперта может быть принято одно из следующих решений: о возможности / невозможности использования в доказывании; о допросе эксперта; о необходимости назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Анализ материалов судебно-следственной практики позволяет выделить в деятельности субъекта, инициирующего судебные экспертизы, дефекты, препятствующие полноценному использованию возможностей судебных экспертиз в ходе предварительного следствия, и предложить меры по их недопущению:

при проверке следственных версий и исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности судебные экспертизы не всегда назначаются в сочетании, необходимом для установления объективной картины криминального явления, то есть экспертные возможности используются недостаточно, что, безусловно, снижает не только объем, но и качество доказательственной информации. Также этот следственный дефект часто приводит к оспариванию в суде стороной защиты объективности выдвинутого обвинения, заявлению ходатайств о проведении дополнительных и повторных судебных экспертиз, о приобщении к материалам дела сомнительных заключений специалистов и т.п., что затягивает рассмотрение уголовного дела по существу. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы на предварительном следствии каждое обстоятельство события преступления подвергалось исследованию с привлечением специальных знаний и подтверждалось в вы-

водах соответствующего экспертного заключения или заключения специалиста. Доказательственная база по экстремистским делам не должна основываться на заключении одной судебной экспертизы; системный анализ с применением специальных знаний должен охватывать все обстоятельства события, в противном случае, как показывает практика, делает уязвимой всю систему доказательств;

несоблюдение при подготовке и назначении судебной экспертизы криминалистических рекомендаций (например, не обеспечение требуемого количества или репрезентативности сравнительных образцов) является существенным препятствием для обеспечения полноты и объективности экспертного исследования, а в ряде случаев приводит или к сокращению перечня задач, или к невозможности их решения; несоблюдение же требований уголовно-процессуального закона влечет признание заключения эксперта недопустимым доказательством [12, с. 31–35];

как серьезный дефект следует рассматривать вынесение на разрешение экспертизой вопросов, которые по своему существу касаются правовой оценки обстоятельств события преступления (в пункте 4 постановления ПВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» подчеркивается, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда < >, как не входящих в его компетенцию, не допускается»); кроме того, недостаточно грамотно и профессионально сформулированные вопросы эксперту влекут получение ответа, базирующегося на принципе «каков вопрос, таков и ответ», поэтому формулировка и содержание вопросов должны согласовываться с опытными специалистами соответствующего профиля специальных знаний или с предполагаемым экспертом;

отсутствие полнообъемной качественной оценки следователем выводов экспертов, предполагающей наряду с оценкой допустимости экспертного заключения также проверку их обоснованности результатами проведенного исследования, а также соответствие формулировок законам логики. В тех случаях, когда свои выводы эксперты обосновывают «рассуждениями» вместо конкретных доводов, экспертное заключение полностью утрачивает свою доказательственную значимость. Выявить факт недостаточного обоснования выводов экспертов может помочь следователю спе-

циалист-консультант в ходе непроцессуального взаимодействия. Возможно и получение по этому факту заключения специалиста, которое послужит основанием для проведения повторной экспертизы или поводом для допроса эксперта.

Успешное расследование преступлений экстремистской направленности в значительной степени зависит от активного привлечения следователем сведущих лиц, обладающих достаточным объемом специальных знаний, для проведения судебных экспертиз. Использование их заключений обеспечит объективность доказывания факта события преступного экстремизма и установление лиц, причастных к его совершению.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», п.23.

2. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 21 сентября 2018 г. № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» // Garant.ru. 2018. Дата обращения 11 октября 2019 года.

3. <https://www.stud24.ru/criminal-procedure/jekspertiza-materialov-jekstremistskoj-napravlenosti/96414-289022-page2.html>: (Дата обращения 27.12.2019.)

4. <http://mir.zavantag.com/informatika/12225/index.html>: (дата обращения: 25. 12. 2019).

5. <https://studfile.net/preview/1811635/page:7/>: (дата обращения: 25. 12. 2019).

6. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т.2, с. 338.

7. Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации. М., 2009 с. 58–60

8. Воронин С.Э. «Актуальные вопросы производства судебно-религиоведческой экспертизы» <http://avtor.tululu.org/product/7413/>. (дата обращения: 24. 12. 2019).

9. Грановский Г.Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения / В сб.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 2.

10. Губаева Т.В. «Судебная экспертиза по делам об экстремизме», Вестник Института

экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Вып. 7. Казань, 2006. С. 303–315.

11. Елагина Е.В., Николаева Т.Г. Некоторые проблемы привлечения для производства судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами. // В сборнике: Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Ред.-сост.: М.А. Лушечкина. 2015. С. 206–210.

12. Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Качество подготовки судебной экспертизы – условие обеспечения качества ее производства / Российский следователь. – 2015. — № 20. – С. 31–35.

13. Песчаный М.В. «Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности» // Вестник Московского университета МВД России, №3. – 2009. – С. 208.

14. Песчаный М.В. «Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности» // Вестник Московского университета МВД России, №3. – 2009. – С. 207

15. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : теоретические и методические аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. – М., 2013. С. 21.

16. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М., 2000. с. 19.

17. Философский энциклопедический словарь. М. 1983. С. 322.

Features of ascertainment a motive and aim in cases of extremist crimes Pristanskov V.D. Elagina E.V.

St. Petersburg State University

The article deals with the problematic issues of preparing and assigning forensic examinations to study the motivation of criminal activity of extremist orientation and evaluating the conclusions of experts. Attention is paid to the shortcomings of forensic examinations of a humanitarian nature, which creates difficulties in assessing the completeness and comprehensiveness of the study and the objectivity of the process of forming judicial evidence in criminal cases.

Keywords: Motives, goals of extremist crimes, forensic examinations of a humanitarian nature, assessment of the conclusions of the expert opinion, identification and elimination of expert errors.

References

1. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 (as amended on September 20, 2018) "On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation", p. 23.
2. Instruction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of September 21, 2018 No. 602/27 "On strengthening prosecutorial supervision over the implementation of laws in the detection, suppression, disclosure and investigation of extremist crimes" // Garant.ru. 2018. Retrieved 11 October 2019.
3. <https://www.stud24.ru/criminal-procedure/jekspertiza-materialov-jekstremistskoj-napravlenosti/96414-289022-page2.html>: (Accessed 12/27/2019.)
4. <http://mir.zavantag.com/informatika/12225/index.html>: (accessed 25.12.2019).
5. <https://studfile.net/preview/1811635/page:7/>: (accessed 25.12.2019).
6. Belkin R.S. Criminology course. M., 1997. Vol. 2, p. 338.
7. Buryanov S.A. Implementation of constitutional freedom of conscience and freedom of religion in the Russian Federation. M., 2009 p. 58–60
8. Voronin S.E. "Actual issues of the production of forensic religious expertise" <http://avtor.tululu.org/product/7413/>. (date of access: 24. 12. 2019).
9. Granovsky G.L. Nature, causes of expert errors and ways to eliminate them / In: New developments and debatable problems of the theory and practice of forensic science. M., 1983. S. 2.
10. Gubaeva T.V. "Forensic examination in cases of extremism", Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law. Ser. 2. Right. Issue. 7. Kazan, 2006, pp. 303–315.
11. Elagina E.V., Nikolaeva T.G. Some problems of attracting knowledgeable persons who are not state experts for the production of forensic examinations. // In the collection: Modern forensic science: problems, trends, prospects Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor Nikolai Pavlovich Yablokov. Editorial staff: M.A. Lushechkin. 2015, pp. 206–210.
12. Elagina E.V., Kharatishvili A.G. The quality of the preparation of a forensic examination is a condition for ensuring the quality of its production / Russian investigator. – 2015. □ No. 20. – P. 31–35.
13. Sandy M.V. "Features of the use of forensic examinations in the investigation of extremist crimes" // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 3. - 2009. - S. 208.
14. Sandy M.V. "Features of the use of forensic examinations in the investigation of extremist crimes" // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 3. - 2009. - S. 207
15. Podkatilina M.L. Forensic linguistic expertise of extremist materials: theoretical and methodological aspects: dissertation abstract for the degree of candidate of legal sciences. Specialty 12.00.12 - Criminalistics; forensic activities; operational-search activity. - M., 2013. S. 21.
16. Sakhnova T.V. Forensic examination. M., 2000. p. nineteen.
17. Philosophical encyclopedic dictionary. M. 1983. S. 322.

Защита прав и законных интересов при наложении ареста на имущество по уголовным делам

Ромицын В.В.,

заместитель директора Дирекции корпоративной защиты, Газпром Медиа

На начальном этапе расследования вопрос о наложении ареста на имущество может разрешаться в условиях недостаточно высокой степени доказанности соответствующих обстоятельств. Срок применения этой меры всегда ограничен во времени, а его продление всякий раз предполагает более высокую степень доказанности этих обстоятельств. В противном случае возрастают риски как необоснованности принятых ограничений права собственности, так и утраты имущества или его сокрытия.

Ключевые слова: арест, имущество, обоснованность, право собственности.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам в качестве обеспечительной меры процессуального принуждения, применяемой для возмещения вреда, причиненного преступлениями, исполнения наказания в виде штрафа, приговора в части других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, с каждым годом применяется все чаще. Очевидно, что применение этой меры связано с ограничением собственников (или владельцев) по владению, распоряжению или пользованию вещами, включая: наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права, в значительных объемах и суммах.

Так, только подразделениями Главного следственного управления Следственного комитета России по Санкт-Петербургу ежегодно наложением ареста ограничивается в обороте имущество, стоимость которого составляет в среднем порядка 2,5 млрд. рублей. В этой связи, только исходя из усредненного исчисления суммы общеэкономического ущерба, с учетом инфляции и минимально возможной доходности (инфляция за 2018 год составила по данным Росстата 4,3%, ключевая ставка – 7.5%), экономический ущерб от каждого миллиарда арестованного имущества составляет от 43 до 75 миллионов рублей ежегодно. Это представляется весьма существенным даже без включения в расчет затрат на содержание имущества, текущие доходы от него, частичная утрата имуществом своих качеств и свойств, моральное старение, ценовые изменения его стоимости, упущенная выгода и др. [2, С. 7; и др.].

Гипотетически, учитывая цели наложения ареста на имущество, его можно оправдать необходимостью обеспечения социальной справедливости, восстановления нарушенного

преступлением права, что не может измеряться в денежном выражении. Ведь права потерпевших от преступлений охраняются законом, а обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба является обязанностью государства. В этом смысле справедливость и правосудие дороже (ценнее) денег.

Вместе с тем, уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Соответственно, к применению такой принудительной меры процессуального принуждения как наложение ареста на имущество необходимо подходить весьма взвешенно, особенно учитывая текущие сложные экономические условия, в которых осуществляется экономическая деятельность.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам относится к мерам по ограничению конституционного права собственности. Вот почему основания, условия и порядок этого процессуального действия должен быть регламентирован законом, отвечающим критерию определенности правового регулирования, дифференциации и соразмерности допускаемых им ограничений защищаемым (охраняемым) ценностям. Вместе с тем, существующий уровень определенности решения законодателем вопросов, возникающих в уголовном процессе в связи с имуществом, не является достаточным [1, С. 25; 2, С. 7–8]. Свидетельством тому служат множественные обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, затрагивающие различные аспекты ареста имущества, в том числе смысла норм, который им придает правоприменительная практика, неоднозначная и разнообразная, не являющаяся общепринятой [3; 4; и др.].

Необходимо учитывать, что уголовно-процессуальный закон не определяет четкие основания наложения ареста на имущество, а определяет лишь целевое назначение ареста имущества. При разрешении данного вопроса суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он

принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Но объективно определить наличие или отсутствие таких обстоятельств (при наложении ареста на имущество) практически невозможно до окончательного формулирования обвинения и определения круга участников судебного разбирательства по уголовному делу. В тоже время, не прибегая к аресту имущество (на основе лишь предполагаемых, а не установленных обстоятельств), можно утратить саму возможность обеспечения и исполнения приговора в части гражданского иска, и взыскания штрафа, и других имущественных взысканий, и возможной конфискации имущества, делая тем самым приговор неисполнимым в соответствующей части, а потому бессмысленным.

Необходимо учитывать и то, что в случае признания незаконности или необоснованности наложения ареста на имущество, могут последовать иски о возмещении вреда, причиненного собственнику или владельцу имущества в части ограничения имущественных прав.

Таким образом, могут быть поставлены под угрозу интересы уголовного судопроизводства и правосудия, а также тех, чьи права затрагиваются наложением ареста на имущество. Это подозреваемые, обвиняемые или лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия, потерпевшие, гражданские ответчики, гражданские истцы, другие лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия.

Наиболее острой проблемой является проблема ареста имущества, находящегося у третьих лиц, то есть определение обвиняемого или гражданского ответчика как реального собственника имущества и применение к ним ограничительных мер. В правоприменительной практике иногда арест накладывается на имущество третьих лиц без признания данных лиц гражданскими ответчиками по делу. В связи с этим они лишаются специальных процессуальных прав, не могут участвовать в доказывании и др. Вместе с тем, институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве работает только в части его обеспечения и должен рассматриваться с учетом положений гражданского законодательства, согласно которому исковые требования предъявляются конкретному лицу – выступающему ответчиком по делу [5, С. 5–10; и др.].

В силу прямого предписания ст. 54 УПК РФ в уголовном судопроизводстве таким ответчиком может выступать физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. Соответственно арест имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, может носить лишь временный характер и лишь в отношении имущества, предположительно полученного в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использованного или предназначенного для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Если уголовно-процессуальным путем не доказано такое происхождение или предназначение имущества, решение об аресте подлежит отмене.

Разумеется, уголовный процесс в принципе не нацелен на разрешение вопросов гражданско-правового характера, отнесенных к подсудности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Вместе с тем, установление факта совершения преступления определенным лицом в уголовном судопроизводстве, очевидно, может служить основанием для определения гражданско-правовых последствий действий такого лица (если в его отношении вынесен приговор). Сказанное означает, что вступивший в законную силу приговор (или иное решение суда по уголовному делу) имеет заранее установленную силу (является обязательным) для гражданских судов общей юрисдикции и арбитражных судов в отношении указанного факта (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, ч. 4 ст. 69 АПК РФ).

Тем самым обвинительный приговор, а также арест имущества, наложенный в рамках производства по уголовному делу, выступают одной из гарантий для обеспечения потерпевшему возможности получить денежное возмещение причиненного ему ущерба или вреда. Именно поэтому (с учетом назначения уголовного судопроизводства) правоприменительные органы не вправе отказывать в признании гражданским истцом физического или юридического лица, предъявившего требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам по своему предназначению применяется как в публичных целях (для обеспечения санкций – штраф, конфискация, иных изъятий в пользу государства), так и в целях обеспечения прав и имущественных интересов лиц, которым нанесен вред в результате совершения преступления.

В обоих случаях, к числу разрешаемых относится вопрос об объеме имущества, подлежащего аресту, который выражается, как правило, через его стоимость (с учетом потребности возмещения ущерба, цены иска, возможного штрафа, имущественных взысканий и др.). В данной связи, во-первых, необходимо оценить существо нарушений материального уголовного, гражданского, налогового и административного права, установить круг ответчиков по соответствующим обязательствам, объем и правовой статус имущества с точки зрения возможности обращения на него взыскания. Во-вторых, на этой основе нужно определить размер возмещения вреда, причиненного преступлением, причастность к преступлению конкретного лица, обосновать и мотивировать соответствующее процессуальное решение. Причем в зависимости от обстоятельств дела и существа преступления может потребоваться анализ не только положений уголовного закона, но и норм гражданского, налогового, таможенного, административного или иных отраслей права. Применительно, например, к уголовным делам об экологических преступлениях расчет размера ущерба носит нормативный, вмененный характер. Что же касается налогов, то необходимо учитывать разницу между конкретной суммой умышленно не оплаченного налога и «доначисленной» его недоимкой, что обязывает следователя предварительно объективно разобраться в этом вопросе.

При наложении ареста на имущество весьма важным является вопрос об определении характера ограничений правомочий собственника или владельца арестованного имущества, а также вопрос о передаче имущества на хранение или в пользование. Практика разрешает его в большинстве случаев, не радикальным путем. Имущество остается у того лица, которое владело им к моменту ареста, и только суд уполномочен окончательно определить судьбу этого имущества. Вместе с тем, данный вопрос подлежит разрешению с учетом специфики самого имущества, его предназначения, существа преступного деяния. Ведь именно в рамках расследования преступления осуществляется арест имущества и уяснение

того, являлось ли оно предметом преступного посягательства, служило ли орудием или средством совершения преступления, сохранило ли на себе следы преступления, подлежит ли хранению в качестве вещественного доказательства, и др.

Например, по рейдерским уголовным делам, где захвачено и сдается в аренду коммерческое имущество, извлекается регулярный доход, который идет в пользу обвиняемой или третьей стороны (иногда добросовестного приобретателя). В Главном следственном управлении Следственного комитета России по Санкт-Петербургу есть практика наложения ареста на арендные платежи. Разрешение вопроса о наложении ареста на такое имущество сопровождается и возникающими вопросами оплаты содержания имущества, коммунальных платежей, неуплата которых может повлечь и пени, и штрафы, а равно ухудшение состояния этого имущества, подлежит такое имущество передаче на хранение, может быть оставлено у добросовестного приобретателя или же подлежит возврату собственнику.

Иначе говоря, следственные органы вынуждены брать на себя дополнительную нагрузку, что увеличивает временные затраты, обусловленные необходимостью доказывания дополнительных обстоятельств (непосредственно не связанных с доказыванием самого преступного деяния и причастности к нему конкретного лица), а также разрешения связанных с их установлением процессуальных вопросов.

По смыслу положений уголовно-процессуального закона принятие решения о наложении ареста на конкретное имущество по уголовным делам и сам арест предполагают выполнение органами следствия и суда определенных требований.

Ходатайство следователя перед судом перед судом о наложении ареста на имущество должно включать в себя:

- обоснование наличия преступления и причастности к нему конкретного лица;
- сведения о причиненном преступлением конкретном ущербе;
- информацию о наличии заявленного гражданского иска, о принадлежности имущества;
- данные о других обстоятельствах, на основании которых суд может принять такое решение;
- указание на ограничения, которые необходимо установить на владение, пользование, распоряжение арестованным имуществом.

Суд по ходатайству следователя обязан определить доказаны ли совершение преступного деяния и причастность к нему лица, на имущество которого налагается арест, правильно ли квалифицировано это деяние, есть ли причинная связь между деянием конкретного лица и причиненным вредом (ущербом). Кроме того, суд должен дать надлежащую имущественную оценку причиненному ущербу (необходима оценка адекватности суммы, так как некоторые гражданские иски носят компенсационный характер), а также надлежащую оценку имущества, на которое накладывается арест.

По результатам анализа этих и иных обстоятельств и доказательств, представляется возможным оптимальным образом разрешить вопрос о соразмерности и характере ограничительных правомочий в отношении имущества.

Учитывая, что на начальном этапе расследования данный вопрос может разрешаться в условиях недостаточно высокой степени доказанности соответствующих обстоятельств, дающих основания для наложения ареста на имущество, срок применение этой меры всегда ограничен во времени, а его продление всякий раз предполагает более высокую степень доказанности этих обстоятельств. В противном случае возрастают риски как необоснованности принятых ограничений права собственности, так и утраты имущества или его сокрытия, в случае отмены ареста на него.

Полагаю, что такой, основанный на применении взаимосвязанных положений уголовно-процессуального закона, взвешенный подход к разрешению вопроса о наложении ареста на имущество обеспечивает и публичные интересы уголовного судопроизводства и правосудия, и частные интересы участников уголовного судопроизводства (или других лиц), чьи права затрагиваются наложением ареста на имущество.

Литература

1. Иванов Д.А. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2016.
2. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой ООО «Синклит» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 73, ч. ст. 299 и ст. 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Прасковьян Д.А. Обеспечение гражданского иска: правовая природа и система средств. М., 2006.

Protection of rights and legitimate interests in the imposition of arrest on property in criminal cases

Romitsyn V.V.

Gazprom Media

At the beginning of the investigation, the question of the seizure of property may be resolved in the context of insufficiently proven circumstances. The duration of this measure is always time-limited, and its extension each time implies a greater degree of proof of these circumstances. Otherwise, the risks of both the unreasonableness of the accepted restrictions on property rights and the loss of property or concealment of property increase.

Keywords: arrest, property, validity, property rights.

References

1. Ivanov D.A. Compensation for property damage caused by a crime in pre-trial proceedings in criminal cases. M., 2016.
2. Ionov V.A. Seizure of property in the course of preliminary investigation in criminal cases on economic crimes. M., 2012.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 11, 2018 No. 1-P "On the case of checking the constitutionality of Part 1 of Art. 81¹ and para. 3¹ part 2 of art. 82 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of LLC "Sinklit" // ATP "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 17, 2019 No. 18-P "On the case of checking the constitutionality of Part 1 of Art. 73, part of Art. 299 and Art. 307 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.V. Yanmaeva" // ATP "ConsultantPlus".
5. Praskov'in D.A. Securing a civil claim: legal nature and system of means. M., 2006.

Правовое регулирование обращения медицинских изделий в Евразийском экономическом союзе

Попов Андрей Юрьевич

аспирант, кафедра гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений (АТиСО),
andrewpopov161@gmail.com

Основным инструментом государственного контроля качества медицинской продукции является контроль разработки и внедрение в серийное производство отечественных изделий, организация экспертизы и испытаний ВМП отечественных и зарубежного производства на соответствие установленным требованиям безопасности, качества, эффективности.

Сегодня в ЕАЭС функционирует действенная система предрегистрационного контроля и государственного контроля за соблюдением требований законодательства по обеспечению надлежащего качества медицинской продукции. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития ЕАЭС должно сопровождаться обеспечением приемлемого уровня риска, современной системой безопасности, которая базировалась бы на принципах международного права. Актуальность исследования обусловлена наличием в последние годы не только в отечественной, но и в зарубежной науке дискуссионных, проблемных вопросов относительно государственного регулирования процедуры экспертизы изделий медицинского назначения (ИМН), обеспечения производства всего процесса и исключения возможностей возникновения коррупционных схем. Целью этой публикации является исследование факторов, влияющих на процедуру экспертизы изделий медицинского назначения.

Ключевые слова: обращение, оборот, регулирование, право, медицина.

Основным инструментом государственного контроля качества медицинской продукции является контроль разработки и внедрение в серийное производство отечественных изделий, организация экспертизы и испытаний ВМП отечественных и зарубежного производства на соответствие установленным требованиям безопасности, качества, эффективности.

Сегодня в ЕАЭС функционирует действенная система предрегистрационного контроля и государственного контроля за соблюдением требований законодательства по обеспечению надлежащего качества медицинской продукции [1].

По состоянию на 10 января 2022 г. в ЕАЭС зарегистрировано 6038 позиций медицинской техники и изделий медицинского назначения, из них 898 (14,9%) – отечественного производства и 5140 (85,1%) – зарубежного.

В течение последнего десятилетия произошло существенное сокращение закупок медицинской техники, что обусловило увеличение парка морально и физически устаревшей аппаратуры до 60-70%. Значительная часть оборудования отработала 20-25 лет, что в 2-3 раза превышает его тех. ресурс. В то же время отечественная промышленность удовлетворяет потребность страны в ВМП лишь на 30-35%. Раздел и производство медицинской техники в ЕАЭС осуществляют более 250 предприятий различных форм собственности, из них 38 государственных предприятий, 48 акционерных обществ, 4 совместных предприятия, 111 обществ с ограниченной ответственностью, 50 малых и других частных предприятий. Однако, начиная с 2014 г., наблюдалась четкая тенденция к уменьшению объема финансирования централизованной закупки ВМП. Вместе с тем, согласно информации ЕЭК, спрос на отечественные ВМП растет, но удовлетворяется менее чем на 10%. Переоснащение учреждений здравоохранения новейшей медицинской техникой может происходить по трем вариантам: 1-й – закупка импортного дорогостоящего, но инновационного оборудования; 2-й – закупка за рубежом инновационных техно-

логий и лицензий на производство; 3-й – разработка и производство отечественной медицинской техники. Но, как свидетельствует опыт, отечественные заведения охраны здоровья отдают предпочтение, как правило, 4-му варианту – закупки дорогого, но устаревшего медицинского оборудования.

Исследование проблемы качества медицинских изделий будет неполным без понимания основных составляющих об этом организации их производства. Поэтому приведем общее описание производственного процесса медицинских изделий.

Основой любого бизнес-проекта является бизнес-план, где должны быть приведены и закреплены основные характеристики будущего производства. Так, надо уточнять информацию об организационно-правовой форме предприятия, основное направление капиталовложений, процесс управления предприятием, охарактеризовать отрасль производства, товар, рынок его сбыта, основную стратегию маркетинга, производственный план, финансовый план, на чертить общий график становления бизнеса, ты оцени риски и возможные осложнения [2].

После принятия положительного решения о начале реализации проекта и привлечения необходимых капиталовложений первым этапом создания субъекта хозяйствования (юридического лица) должна стать регистрация предприятия в выбранной организационно-правовой форме в соответствии с действующим законодательством. Следует также отметить, что производство изделий медицинского назначения не является видом хозяйственной деятельности, подлежащей лицензированию в соответствии с Распоряжением Коллегии ЕЭК 29.12.2015 № 177 «Правила ведения номенклатуры медицинских изделий».

После завершения процедуры регистрации или в одно время с ней должны приниматься меры по созданию материально-технической базы производства. То есть основным наполнением процесса создания собственного производства является организационная составляющая. На этом этапе осуществляется поиск и юридическое закрепление помещения для оборудования, налаживаются контакты с поставщиками сырья и оборудования для производства готовой продукции, возможно, заключаются предварительные договоры. Также следует начинать необходимые переговоры, направленные на формирование кадрового состава на по Сады менеджеров верхнего звена, которые будут осуществлять рекрутирование

основного персонала соответствующей профессии и квалификации.

Создание материально-технической базы производства связано с необходимостью получения разрешений от органов противопожарного и санитарно-эпидемиологического допусков. Кроме того, в зависимости от вида работ и оборудования, будет необходимо также разрешение на начало деятельности в соответствии с Распоряжением Совета ЕЭК 12.02.2016 № 28 «Правила проведения технических испытаний медицинских изделий».

Необходимой составляющей производственного процесса является технология производства. Она должна быть закреплена в соответствующих технических условиях (регламентах), отвечать чин ним государственным стандартам и контролироваться в соответствии с профессиональным работником с соответствующим образованием и квалификацией.

После формирования материально-технической базы производства, привлечения основных производственных фондов, уровень рабочей силы можно осуществлять запуск производства.

Что касается торговли изделиями медицинского назначения индивидуального пользования, то, кроме регистрации субъекта хозяйствования, дополнительно необходимо получить патент.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что организация процесса производства и продажи медицинских изделий в современных условиях является достаточно сложным процессом, что требует значительных усилий, финансовых ресурсов и времени.

Несмотря на то, что от безопасности и эффективности медицинского изделия зависит жизнь и здоровье у кого гражданина, то есть каждого из нас, прозрачность и четкость урегулирования правоотношений в сфере производства и обращения медицинских изделий является гарантом качественного медицинского изделия в лечебном заведении или на полке аптеки. Для удобного рассмотрения общей части рынка медицинских изделий надо представить себя предпринимателем, который производит и распространяет медицинские изделия. Для такого субъекта хозяйствования всегда важным является влияние действующих нормативно-правовых актов, контроль их выполнения и действенность санкций. Иногда такое влияние оказывается на давление. Также существуют и другие факторы, такие как отношение этого производителя к действующим правилам, его мотивация в соблюдении

требований законодательства ЕАЭС и собственная цель – прибыль [9]. Конечно, в отдельных случаях целью может быть что-то другое, однако фантастические и другие варианты не являются предметом моих размышлений [7].

В процессе состязательности бизнес-структуры каждый день доказывают государству, что любое правило можно нарушить и любой закон можно обойти. На сегодня недобросовестный производитель медицинского изделия несет административную ответственность на минимальном уровне. Выпуск в продажу продукции, что не соответствует требованиями гам стандартов, технических условий и образцов (эталонов) по качеству, комплектности и упаковки, влечет за собой для заключения штрафа на должностных лиц предприятий, уставов, организаций независимо от форм собственности и граждан – субъектов предпринимательской деятельности от одного до восемнадцати необлагаемых минимумов доходов граждан [3].

Конечно, в отдельных случаях может наступать и критическая ответственность за несоблюдение требований законодательства. В большинстве случаев уголовная ответственность наступает при наличии доказанного состава преступления. Уголовный кодекс в странах ЕАЭС не содержит норм, где прямо указывается некачественно изготовленное медицинское изделие. Поэтому за каждый случай некачественно изготовленного медицинского изделия виновное лицо привлекается к уголовной ответственности в зависимости от конкретных обстоятельств дел, наличия прямого умысла и последствий для жизни и здоровья людей (при их наличии) [6].

В связи с этим возникает ряд проблем, и они имеют же всем понятны. Тем не менее, эти проблемы находятся не только в правовой плоскости, что затрудняет их решение. ЕАЭС необходимо не только формально создавать интерес для производителей быть образцовыми, а и реально создать условия, при которых будет просто невыгодно избегать технологической экономии. Сегодня отсутствует реальная мотивация производителя в полной мере придерживаться установленных норм.

Также нужно упомянуть о полномочия ЕЭК по вопросам технического регулирования и потребительской политики. Территориальные управления по делам защиты прав потребителей, которые на сегодня являются подразделениями ЕЭК в странах ЕАЭС по вопросам технического регулирования и потребительской политики, имеют право запрещать субъектам

хозяйствования реализацию потребителям продукции [10]:

- на которую отсутствуют документы, удостоверяющие ее соответствие требованиям нормативных документов;
- на которую в нормативно-правовых актах и нормативных документах установлены обязательные требования по обеспечению безопасности жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, если продукция внесена в перечень продукции, подлежат обязательной сертификации, но не имеющей сертификация и соответствия (свидетельства о признании соответствия);
- ввезенной на территорию ЕАЭС без документов, подтверждающих ее надлежащее качество;
- на какую срок годности не указано или указано с нарушением требований нормативных документов, а также товаров, срок годности которых истек;
- которая является фальсифицированной [5].

Как и лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику условно следует рассматривать на предмет на (материальном) уровне и на уровне правового режима обращения. На материальном уровне изделия медицинского назначения и медицинская техника рассматриваются как объекты имей новых прав и определяется их соотношение. Это выражение имеет основное значение в курсе отношений государственных закупок, ведь в конкурсной документации указанную определяется их вещественная форма, например оборудование, инструменты, аппараты. Определенность на предметном уровне доз оздоровление осуществлять эффективное и дифференцированное государственное регулирование, в частности путем создания унифицированного перечня изделий медицинского назначения, стороны юридической техники, которые могут составлять предмет государственных закупок или в целях ценового регулирования.

Надо отметить, что существует определенная категория имущества, не относящаяся к ВМП, медицинской технике и выполняющая в отношении них обслуживающую роль. Сюда относятся, в первую очередь, комплектующие изделия – это изделия, специально предназначенные производителем для использования вместе с изделиями медицинского назначения, медицинской техникой в соответствии с их функциональным назначением как составные части. Согласно гражданско-правовой класси-

фикации вещей они являются принадлежностью главной вещи, не ее составной частью, поэтому при заключении договоров о государственной закупке выступают как самостоятельный товар и должны закупаться в рамках же конкурсной процедуры. Закреплено в нормах ЕАЭС, что любое оборудование, поставляемое в комплекте с медицинскими изделиями и предназначено для сочетания с другим внешним оборудованием, должно рассматриваться как неотъемлемая часть таких медицинских изделий.

Речь идет о составной части ВМП, медицинской техники, закупаемой вместе с ними в пределах одной процедуры. По сравнению с первым случаем недостатком является отсутствие дефиниции данного правового явления, которое можно определить как специальные материалы, без которых невозможно использование по целевому назначению ВМП, медицинской техники, поставляемой с ними в единственном комплекте и является их неотъемлемой частью. При закупке ИМН и медицинской техники в объявлении о проведении государственной закупки они не указываются, поскольку обязательно во включаются в основной предмет. Теоретическую и практическую проблему представляет то обстоятельство, что понятия "изделия медицинского назначения" и "медицинская техника" не имеют самостоятельных дефиниций в законодательстве, что создает объективные трудности в их практическом разграничении [4].

Учитывая это изделия медицинского назначения – инструменты, имплантаты, материалы, средства, имеющие невысокий уровень технологической сложности, не предусматривают существования источника питания и обслуживают потребности сферы здравоохранения. Что касается признаков ИМН и медицинской техники, которые являются общими для них, то воспроизводить их в каждом понятии является неуместным, они должны быть закреплены самостоятельной нормой.

По результатам исследования данной проблемы следует отметить, что эффективное формирование государственного механизма регулирования экспертизы ИМН для применения в условиях ЕАЭС связано с функционированием межгосударственной системы экспертизы и регистрации ИМН. На сегодняшний день механизм экспертизы ВМП для имплементации в условиях ЕАЭС не соответствует современным требованиям. Насущной потребностью является использование системного

подхода к совершенствованию механизма государственного регулирования экспертизы ИМН для применения в условиях ЕАЭС.

Основными направлениями совершенствования действующего механизма является завершение формирования соответствующей нормативной базы, повышение уровня прозрачности и соответствия процедуры экспертизы, формирование алгоритма экспертизы ВМП для применения в условиях ЕАЭС.

Литература

1. Акулин, И. М. Обеспечение безопасности при применении медицинских изделий / И. М. Акулин, О. А. Махова, Е. А. Чеснокова. – Москва : ООО «Директ-Медиа», 2021. – 280 с. – ISBN 978-5-4499-2696-8.

2. Иванова, Е. А. Идентификация в соответствии с ЕТН ВЭД ЕАЭС и определение размера таможенной пошлины на примере товара «заплата перикарда» / Е. А. Иванова // Актуальные проблемы внешнеэкономической деятельности в условиях реализации комплексной программы по реформированию системы таможенных органов до 2020 года : Сборник материалов Круглого стола, Выборг, 18 декабря 2019 года. – Выборг: Общество с ограниченной ответственностью "Первое экономическое издательство", 2020. – С. 94-107.

3. Новости ЕЭК // Стандарты и качество. – 2019. – № 7. – С. 64-68.

4. Новости ЕЭК // Стандарты и качество. – 2019. – № 9. – С. 43-49.

5. Новости ЕЭК // Стандарты и качество. – 2021. – № 6. – С. 43-46.

6. Панкевич, И. И. Обеспечение качества стоматологической помощи в Республике Беларусь / И. И. Панкевич // Стоматология вчера, сегодня, завтра : Сборник научных трудов юбилейной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию стоматологического факультета, Минск, 02–03 апреля 2020 года / Под общей редакцией Т.Н. Тереховой. – Минск: Белорусский государственный медицинский университет, 2020. – С. 416-419.

7. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021612343 Российская Федерация. Подсистема технического регулирования интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза : № 2020664419 : заявл. 16.11.2020 : опубл. 16.02.2021 ; заявитель Международная организация Евразийская экономическая комиссия.

8. Совершенствование и сближение подходов к образованию как фактор гармоничного

развития надлежащей клинической практики (GCP) / О. И. Кубарь, I. Klingmann, C. d. Balincourt, H. Sampson // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской техники. – 2019. – № 5. – С. 46-63. – DOI 10.21518/1561-5936-2019-5-46-63.

9. Сопилко, Н. Ю. Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко, А. В. Кулаков // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 4. – С. 105-115. – DOI 10.28995/2073-6304-2019-4-105-115.

10. Шахназаров, Б. А. Интеллектуальная собственность как правовой механизм, сопровождающий борьбу с пандемией... в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) / Б. А. Шахназаров // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 8(165). – С. 134-147. – DOI 10.17803/1729-5920.2020.165.8.134-147.

Legal regulation of the circulation of medical devices in the Eurasian Economic Union

Попов А.Ю.

Academy of Labor and Social Relations

The main instrument of state control of the quality of medical products is the control of the development and introduction into mass production of domestic products, the organization of examination and testing of VMP of domestic and foreign production for compliance with the established safety, quality, and efficiency requirements.

Today, the EAEU has an effective system of pre-registration control and state control over compliance with the requirements of the legislation to ensure the proper quality of medical products. Ensuring sustainable socio-economic development of the EAEU should be accompanied by ensuring an acceptable level of risk, a modern security system, which would be based on the principles of international law. The relevance of the study is due to the presence in recent years, not only in domestic, but also in foreign science, of controversial, problematic issues regarding state regulation of the procedure for the examination of medical devices (MP), ensuring the production of the entire process and eliminating the possibility of corruption schemes. The purpose of this publication is to investigate the factors influencing the examination procedure for medical devices.

Keywords: circulation, turnover, regulation, law, medicine.

References

1. Akulin, IM Safety assurance in the use of medical products / IM Akulin, OA Makhova, EA Chesnokova. - Moscow: OOO Direct-Media, 2021. - 280 p. - ISBN 978-5-4499-2696-8.
2. Ivanova, E. A. Identification in accordance with the ETS of the EAEU and determination of the amount of customs duty on the example of the product "pericardium patch" / E. A. Ivanova // Actual problems of foreign economic activity in the context of the implementation of a comprehensive program to reform the system of customs authorities before 2020: Proceedings of the Round Table, Vyborg, December 18, 2019. - Vyborg: Limited Liability Company "First Economic Publishing House", 2020. - pp. 94-107.
3. EEC news // Standards and quality. - 2019. - No. 7. - S. 64-68.
4. EEC news // Standards and quality. - 2019. - No. 9. - S. 43-49.
5. EEC news // Standards and quality. - 2021. - No. 6. - S. 43-46.
6. Pankevich, I. I. Ensuring the quality of dental care in the Republic of Belarus / I. I. Pankevich // Dentistry yesterday, today, tomorrow: Collection of scientific papers of the jubilee scientific and practical conference with international participation dedicated to the 60th anniversary of the Faculty of Dentistry, Minsk, 02-03 April 2020 / Edited by T.N. Terekhova. - Minsk: Belarusian State Medical University, 2020. -- P. 416-419.
7. Certificate of state registration of the computer program No. 2021612343 Russian Federation. Subsystem of technical regulation of the integrated information system of the Eurasian Economic Union: No. 2020664419: app. 11/16/2020: publ. 02/16/2021; applicant International Organization Eurasian Economic Commission.
8. Improvement and convergence of approaches to education as a factor in the harmonious development of good clinical practice (GCP) / OI Kubar, I. Klingmann, C. d. Balincourt, H. Sampson // Remedium. A magazine about the Russian drug and medical equipment market. - 2019. - No. 5. - S. 46-63. - DOI 10.21518 / 1561-5936-2019-5-46-63.
9. Sopilko, N. Yu. Prospects for the development of integration processes of the states of the Eurasian Economic Union / N. Yu. Sopilko, A. V. Kulakov // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Control. Right. - 2019. - No. 4. - S. 105-115. - DOI 10.28995 / 2073-6304-2019-4-105-115.
10. Shakhnazarov, BA Intellectual property as a legal mechanism accompanying the fight against a pandemic ... in the context of the spread of coronavirus infection (COVID-19) / BA Shakhnazarov // Lex russica (Russian law). - 2020. - No. 8 (165). - S. 134-147. - DOI 10.17803 / 1729-5920.2020.165.8.134-147.

Возмещение вреда потерпевшим от преступлений в контексте единства публично-правового и частноправового модельного регулирования для государств – участников Содружества Независимых Государств

Губаева А.К.

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский государственный университет

Сидорова Н.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Правовое регулирование компенсационных отношений, возникающих при возмещении причиненного преступным деянием вреда, требует решения проблем, находящихся в сфере взаимодействия правовых норм – материального (гражданского, уголовного) и процессуального (уголовно-процессуального и гражданско-процессуального) права. В ряде государств-участников СНГ уже принято и действует законодательство об ответственности государства, за вред, причиненный преступлением, при определенных установленных законом условиях. В целях унификации подхода государств-участников СНГ к решению рассматриваемых проблем в 2018–2020 г был разработан и принят модельный закон для государств – участников СНГ, который призван обеспечить новый уровень защиты прав потерпевших от преступлений. Он представляет собой рекомендательную основу для разработки юридических гарантий восстановления нарушенных прав указанных потерпевших в рамках национального законодательства каждого из государств – участников СНГ. **Ключевые слова:** модельное правовое регулирование, возмещение вреда, причиненного преступлением, потерпевший от преступления, ответственность государства

Правовое регулирование компенсационных отношений, возникающих при возмещении причиненного преступным деянием вреда, требует решения проблем, находящихся в сфере взаимодействия правовых норм – материального (гражданского, уголовного) и процессуального (уголовно-процессуального и гражданско-процессуального) права. Основной целью регулирования следует признать реализацию конституционного права на судебную защиту, которое предполагает, в том числе и получение обеспеченной государством судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. Как неоднократно отмечал Конституционный суд РФ, «иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту» [13].

Предпринятые на постсоветском правовом пространстве, в том числе в России, попытки решить данные проблемы пока не увенчались успехом. Для обеспечения единства регулирования в национальном законодательстве Российской Федерации и других государств СНГ был разработан и принят соответствующий Модельный закон [8].

Цели модельного правового регулирования. В настоящее время в сфере уголовного судопроизводства предпринимаются усиленные попытки устранить дисбаланс между обеспечением прав и законных интересов обвиняемого и соответствующей защитой прав и законных интересов потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства. Государства начинают все больше внимания акцентировать на создании системы реальных гарантий защиты имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, в том числе и на обеспечении возмещения причиненного уголовно-наказуемым деянием ущерба. Проблемы восстанов-

ления и защиты имущественных и личных неимущественных прав лиц, которым преступлением причинен тот или иной вид ущерба, требуют своего решения средствами публичного и частного права. Свидетельством тому является создание базы международно-правовых актов, появление общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в сфере обеспечения прав потерпевшего от преступления, а также законотворческая деятельность в рамках национальных правопорядков государств.

В российской правоприменительной практике проблема восстановления прав потерпевших от преступлений признается одной из самых насущных. Этим обусловлено внимание к ней судебной власти в контексте выработки современных правовых позиций. Так, Верховный Суд РФ специально подчеркнул, что при применении норм гражданского и уголовно-процессуального права суды должны в ходе судебного разбирательства принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по уголовному делу гражданского иска по существу, с тем «чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены», в частности, не допускается при постановлении судом обвинительного приговора необоснованно передавать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства [14].

Приводимые в открытых источниках сведения показывают остроту данной социальной и правовой проблемы. Так, по всем уголовным делам, которые находились в производстве правоохранительных органов в 2019 г. материальный ущерб составил 627,7 млрд. руб. (из них 447,2 млрд. по преступлениям экономической направленности). Для сравнения размер реально возмещенного ущерба составил 173,2 млрд. руб. (из них 157,5 млрд. по преступлениям экономической направленности). При этом из общего числа выявленных лиц, причинивших имущественный и моральный вред преступным деянием (884 661 чел.), подавляющее большинство не сможет возместить вред по причине низкого материального достатка (609 831 чел.) [1].

Соответственно 2020 год не принес улучшений в данной сфере, ситуация продолжает оставаться сложной по разным причинам, в том числе в связи с отсутствием новых подходов к комплексному законодательному регулированию компенсационных отношений, в которых участвуют потерпевшие от преступлений.

Вопросы восстановления социальной справедливости, социального спокойствия и разрешения уголовно-правового конфликта не только средствами уголовного, но и гражданского права, позволяют наиболее полно учитывать интересы лиц, которым причинен ущерб уголовно-противоправным деянием. Говорить об единообразном подходе к разрешению проблемы всестороннего обеспечения прав потерпевшего пока еще рано, «каждое государство регулирует данный вопрос по-своему: в одних государствах права жертв уголовных преступлений защищаются в достаточном объеме, а в других - нет» [5, с.192; 7, с.2]. Возмещение вреда, причиненного преступлением, остается одной из главных задач уголовного судопроизводства. "Венская Декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века" рекомендовала государствам разработать планы действий и создать фонды в поддержку жертв преступлений [6, с.95–100]

В странах ЕС на основании принятых документов была разработана система защиты прав потерпевших, в том числе, и механизм реализации права на компенсацию причиненного правонарушением ущерба [3; 4]. 16 ноября 2015 года в соответствии с Директивой о потерпевших государства-члены должны были представить обновленные законодательные акты, которые бы отражали ее рекомендации.

Институты компенсации вреда, причиненного преступлением и общественно опасным деянием лица, которое не является субъектом преступления, получили свое развитие в национальном законодательстве целого ряда государств как в Европе, так и в странах азиатского и американского континентов. На европейские системы права оказало значительное влияние законодательство, которое было принято в рамках Европейского Союза, практически все государства – члены ЕС имеют систему очень сходных компенсационных механизмов, применяемых к потерпевшему.

Модельный закон для государств – участников СНГ «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» разработан как результат проведения сравнительного анализа законодательных актов государств-членов Европейского Союза и других стран. Он также базируется на современных подходах к защите нарушенных преступлением прав гражданина-потерпевшего, закрепленных в законодательстве ряда государств СНГ (Казахстан, Азербайджан, Беларусь и других), модельных законах для государств – участников СНГ, нормы которых обеспечивают

защиту прав потерпевших вследствие преступлений (модельный УПК, модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми»). Работа над проектом модельного закона осуществлялась под влиянием вызовов судебной практики по рассмотрению гражданских исков в уголовном процессе (в частности, в России, Казахстане, Беларуси и других государствах – участниках СНГ) [2; 12].

В модельном законе развиваются и конкретизируются положения модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ [10], в том числе положения, определяющие круг компенсационных интересов потерпевшего вследствие преступления, основания, порядок и способы возмещения вреда, а также предусматривающие возможность компенсации причиненного ущерба за счет государства.

Под компенсацией вреда понимаются денежные средства, выплачиваемые одновременно или периодически в установленном модельным законом порядке лицу, признанному потерпевшим в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Данная компенсация включает в том числе компенсацию морального вреда.

Для целей модельного закона юридически значимым является вред, который причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости.

В модельном законе устанавливаются принципы возмещения вреда потерпевшим от преступлений или иных запрещенных уголовным законом деяний, в числе которых принципы законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, равенства прав и свобод потерпевших независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; добросовестности; соразмерности и справедливости возмещения вреда; содействия государства в организации возмещения причиненного преступлением вреда с помощью различных источников финансирования; а также доступности.

Субъекты. Признание гражданина потерпевшим должно оформляться в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством государства актом компетентного государственного органа, в котором указывается, какой конкретно вред и в каком размере причи-

нен лицу (ст. 4 «Субъекты права на возмещение причиненного преступлением вреда»). В случае незавершения преступного деяния по независящим от правонарушителя обстоятельствам лицо, в отношении которого оно было начато, признается потерпевшим по фактически наступившим последствиям в виде физического, морального, имущественного вреда.

В целях наиболее полного обеспечения прав потерпевшего лицо должно быть признано таковым сразу же после возбуждения уголовного дела, а в случае неустановления лица, которому преступлением был причинен ущерб, – сразу же после его установления.

Гражданский иск предъявляется к подозреваемому, обвиняемому, неизвестному (неустановленному) лицу, подлежащему привлечению в качестве обвиняемого, либо к тем лицам, на которые может быть возложена имущественная ответственность за действия обвиняемого в соответствии с законодательством государства. Указанный круг лиц, на которых может возлагаться обязанность возмещения вреда, причиненного потерпевшему, приведен в ст. 12 модельного закона, эти лица выступают в качестве гражданских ответчиков.

Содержание компенсационного правоотношения. Определение размера вреда, причиненного потерпевшему, осуществляется с учетом экономических и правовых критериев. Действие принципа полного возмещения вреда обеспечивается соответствием размера причиненного вреда размеру предоставляемой потерпевшему компенсации.

Так, для определения тяжести физического вреда обязательно назначение судебно-медицинской экспертизы, размер компенсации указанного вида вреда следует определять исходя из затрат на лечение, реабилитацию, приобретение адаптивных устройств в случае их необходимости, приобретение лекарственных средств и других расходов, связанных с восстановлением здоровья лица, в том числе на санаторно-курортное лечение (ст. 13).

Для установления размера компенсации причиненного морального вреда следует учитывать, в частности, объем нарушенных нематериальных благ, личных неимущественных прав и другие критерии, установленные законодательством государства. Необходимость достижения баланса публично-правовых и частноправовых интересов обуславливает право суда уменьшать объем и размер выплат, исходя из обстоятельств дела и принципов возмещения причиненного вреда.

При этом вред, причиненный преступлением, может быть компенсирован добровольно лицом, его причинившим, или иными лицами. Добровольное возмещение вреда, причиненного в результате совершения преступления, может иметь место на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе после вынесения и вступления в силу судебного решения, но до обращения его к исполнению (ч. 1 ст. 10).

При производстве по гражданскому иску основания, условия, размер и способ возмещения вреда определяются нормами гражданского и других отраслей законодательства государства -участника СНГ.

Участие государства в восстановлении прав потерпевших вследствие преступления. В целях создания дополнительных гарантий защиты прав потерпевших, в том числе несовершеннолетних, модельным законом предусматриваются нормы, которые определяют основание, размер и порядок возмещения вреда, причиненного преступлением, за счет государства (Глава 3 «Возмещение государством вреда, причиненного потерпевшему преступлением»). Возмещение вреда за счет государства осуществляется в тех случаях, когда оно не может быть обеспечено другими средствами, способами и из других источников.

В связи с этим важным представляется содержание статьи 15, определяющей основания и условия возмещения вреда государством (ст. 15 «Порядок решения вопроса о выплате потерпевшему компенсации за счет государства»). Концептуально достигнуто единство подхода к условиям компенсации вреда потерпевшим – выплачивается компенсация за вред, который связан с посягательствами на жизнь, здоровье и личность гражданина. Пункт 2 части 2 статьи 15 проекта дополнен перечнем составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ, гл. 20 модельного УК для государств – участников СНГ [10]).

Так, государство обеспечивает выплату потерпевшему компенсации, если: виновное в совершении преступления лицо не установлено, либо не известно его местонахождение, либо местонахождение его известно, однако исполнить решение суда не представляется возможным, либо оно не может быть подвергнуто уголовному преследованию или наказанию, либо оно не имеет средств для исполнения решения в части возмещения вреда, либо

при неотложной необходимости оказания материальной поддержки потерпевшему.

При этом значение должен иметь тот факт, что в отношении потерпевших совершены определенные виды преступлений (п.1, 2 ч.2 ст.15).

Кроме того, нормы данной статьи касаются иждивенцев и лиц, имеющих право на получение содержания от потерпевшего, который умер в результате совершения в отношении него преступления или указанные лица утратили содержание в связи с причиненным вследствие преступления вредом здоровью потерпевшего (п.3 ч.2 ст.15).

Законодательством государства могут быть предусмотрены и иные условия выплаты потерпевшему за счет государства. При таком подходе перечень условий, указанных в части 2 ст. 15, не является исчерпывающим.

Все выплаты в счет возмещения причиненного преступлением вреда осуществляются в денежной форме в размере, определяемом судом в порядке гражданского судопроизводства или в рамках гражданского иска в уголовном процессе. Так, если вред причинен повреждением здоровья потерпевшего вследствие преступления, выплаты определяются, исходя из размера утраченного заработка (дохода), который потерпевший имел или определенно мог иметь, а также включают дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, реабилитацию и другие расходы в соответствии с законодательством государства (ст.17).

Если потерпевший, здоровью которого причинен вред, не имеет постоянного источника дохода, при исчислении размера компенсационных выплат за основу берется сумма в размере, определяемом законодательством государства, кратном минимальному размеру оплаты труда (величине прожиточного минимума).

При доработке проекта существенным изменениям подверглась статья 23 в контексте создания и функционирования фонда помощи гражданам, потерпевшим от преступлений. С учетом полученных от экспертов по финансовому и бюджетному праву рекомендаций была определена организационно-правовая форма фонда помощи гражданам, потерпевшим от преступлений – государственное бюджетное учреждение. Статья 23 содержит общие правила о правовом статусе фонда, в ней определяются возможные источники его формирования, при этом перечень является открытым.

Средства фонда не подлежат изъятию государственными органами.

Данный общий подход соответствует требованиям, предъявляемым к регулированию статуса указанных юридических лиц в модельных законодательных актах. Аналогичный подход к регулированию представлен, например, в статье 22 модельного закона «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» [9].

В пользу потерпевшего могут производиться срочные выплаты в счет возмещения вреда, причиненного преступлением, в зависимости от его нуждаемости в материальной помощи и обеспеченности его семьи. Специальные условия и порядок предоставления потерпевшему срочных выплат должны устанавливаться законодательством государства (ст. 19).

Модельный закон призван обеспечить новый уровень защиты прав граждан, потерпевших от преступлений, поскольку предоставляет рекомендательную основу для разработки юридических гарантий восстановления нарушенных прав указанных потерпевших в рамках национального законодательства каждого из государств – участников СНГ.

Литература

1. Аналитический доклад «Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» (2019); Аналитический доклад «Оценка современного состояния государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» (2020) // <https://soprotivlenie.org/>

2. Анисимов А.Г., Цыреторов А.И. Проблемы реального возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // СПС КонсультантПлюс;

3. Более подробная информация по каждому государству <https://e-justice.europa.eu/>; http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_gen_en.htm

4. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно- правовое исследование: научно-практическое пособие» / А.С. Автономов, В.Ю. Артемов, И.С. Власов и др.; отв. ред. С.П. Кубанцев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. – 304 с.

5. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2011. С.192;

6. Лунев В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с

правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. N 9. С. 95 – 100)

7. Митин М.А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений. Автореф. дисс. СПб, 2012, С.2.

8. Модельный закон «О возмещении вреда, причиненного гражданам, потерпевшим от преступлений» для государств СНГ принят на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ 27 ноября 2020 г. Проект разработан Санкт-Петербургским государственным университетом по заказу Секретариата Совета МПА СНГ (Договор № 141-д от 21.05.2018 г.).

9. Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» Принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 03 апреля 2008 г. // ИС Континент <http://continent-online.com>

10. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года) (ред. от 29.11.2013).

11. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // ИС Континент <http://continent-online.com>

12. Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России // Официальный сайт федеральной службы судебных приставов. URL: <http://fssp.ru/statistics/>

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2021 N 1-П "По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Л.В. Бакиной, С.А. Жидкова, Е.М. Семенова и Е.И. Семенов" // СПС КонсультантПлюс

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 N 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу", п. 27 // СПС КонсультантПлюс

Compensation to victims of crimes in the context of the unity of public-law and private-law model regulation for the member states of the Commonwealth Of Independent States

Gubaeva A.K. Sidorova N.A.
St. Petersburg State University

Summary: The legal regulation of compensatory relations arising from compensation for damage caused by a criminal act requires solving problems that are in the sphere of interaction of legal norms-substantive (civil, criminal) and procedural (criminal procedure and civil procedure) law. In a number of CIS member States, legislation on State liability for damage caused by a crime has already been adopted and is in force under

certain conditions established by law. In order to unify the approach of the CIS member States to solving the problems under consideration, a model law for the CIS member States was developed and adopted in 2018–2020, which is designed to provide a new level of protection of the rights of victims of crimes. It provides a recommendatory basis for the development of legal guarantees for the restoration of the violated rights of these victims within the framework of the national legislation of each of the CIS member States.

Keywords: Model legal regulation, compensation for damage caused by a crime, victim of a crime, state responsibility

References

1. Analytical report "Assessment of the potential of the state sphere for the protection of the rights of victims of crime" (2019); Analytical report "Assessment of the current state of the state sphere of protection of the rights of victims of crime" (2020) // <https://soprotivlenie.org/>
2. Anisimov A.G., Tsyretorov A.I. Problems of real compensation for harm caused by a crime in criminal proceedings in Russia // SPS Consultant Plus;
3. More detailed information for each state <https://e-justice.europa.eu/>; http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_g_en_en.htm
4. Compensation for material damage to victims. Comparative legal research: scientific and practical guide" / A.S. Avtonomov, V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov and others; resp. ed. S.P. Kubantsev. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: KONTRAKT Law Firm, 2016. - 304 p.
5. Dubrovin V.V. Compensation for harm from crimes in criminal proceedings. M.: Publishing house "YurLitinform", 2011. S.192;
6. Lunev V.V. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Its Place in the History of Congresses // State and Law. 2000. N 9. S. 95 - 100)
7. Mitin M.A. International legal regulation of compensations to victims of criminal offenses. Abstract diss. St. Petersburg, 2012, p.2.
8. The Model Law "On Compensation for Harm Caused to Citizens Victims of Crimes" for the CIS states was adopted at the fifty-first plenary meeting of the CIS Inter-Parliamentary Assembly on November 27, 2020. The draft was developed by St. Petersburg State University by order of the Secretariat of the IPA CIS Council (Agreement No. 141 -d dated May 21, 2018).
9. Model Law "On Assistance to Victims of Trafficking in Human Beings" Adopted at the thirtieth plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on April 03, 2008 // Continent Information System <http://continent-online.com>
10. Model Code of Criminal Procedure for the States Members of the Commonwealth of Independent States (adopted by a resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the States Members of the CIS on February 17, 1996) (as amended on November 29, 2013).
11. Model Criminal Code for the CIS member states. Adopted by the Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of States - Members of the Commonwealth of Independent States on February 17, 1996 // IS Continent <http://continent-online.com>
12. The main indicators of the work of bailiffs-executors of the FSSP of Russia // Official website of the federal bailiff service. URL: <http://fssprus.ru/statistics/>
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 12, 2021 N 1-P "On the case of checking the constitutionality of Article 208 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in connection with complaints from citizens L.V. Bakina, S.A. Zhidkov, E.M. Semenov and E.I. Semenova" // SPS ConsultantPlus
14. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2020 N 23 "On the practice of consideration by the courts of a civil claim in a criminal case", p. 27 // ATP ConsultantPlus